

Властелина Богатова

The illustration depicts a man and a woman in medieval-style clothing. The man, on the left, has long, light-colored hair and a beard, wearing a dark, patterned tunic with diamond-shaped buttons. The woman, on the right, has long, dark hair and is wearing a red dress with a gold border and a teal cloak. They are standing in front of a background of autumn trees. The title 'Невеста проклятого' is written in a stylized, gothic font at the bottom.

Невеста
ПРОКЛЯТОГО

Властелина Богатова

Невеста проклятого

<https://litres.ru/74208237>

Аннотация

Росья, младшая дочка старосты, отправляется в далёкие земли к богатому жениху. Порадоваться бы — повезло девице, ведь, ходят слухи, что суженый не только высоких кровей, но и красив — невесте сулило светлое будущее, но, судьба коварна. Новое пристанище оказывается темницей каменной, а жених вызывает только дрожь в коленях. Но беда не приходит одна. Росья узнаёт о том, что княжич проклят Лесным Хозяином и невесте предстоит стать либо спасением, либо очередной жертвой.

Содержание

ГЛАВА 1. Видение	4
ГЛАВА 2. Дальние земли	31
ГЛАВА 3. Нежданная встреча	48
ГЛАВА 4. Сговор	76
Конец ознакомительного фрагмента.	89

ГЛАВА 1. Видение

ГЛАВА 1. Видение

- Ксс-ксс, где ты, рыжая? Вылазь немедленно! - шикнула Росья и на всякий случай вцепилась в замшелое дерево - мосток хлипкий, уже и мхом оброс, а ну как рухнет, ноги переломать можно.

По мосту этому уж почитай как век не хаживали - деревенские в лес далеко не забираются, побаиваются. А живность так и повадилась, вот и кошка бегает, будто её тут прикармливает кто.

- И чего ты тут ищешь? Разве мест нет поудобнее? Ну, негодная, поймаю, усы то повыдергиваю. Что же ты тут забыла, рыжехвостая? Забралась-то как глубоко.

Солнце уж скрылось. Быстро нынче деньки заканчиваются, на подходе Листопад - месяц девичьих венчаний. Через луну зима будет на пятки наступать, гнать люд по избам, к печам, руки греть, а она всё босой бегает, да всё в одном льняном платье - ей и не холодно. Мороз нипочём, иной раз голышом с истопки выскочит, да в реку бросится, только и слышен с берега визг Станиславы. Вспомнив о старшей сестрице, Росья поторопилась. Нужно вернуться в избу до темна да на трапезу успеть, а то ж влетит от отца.

Рухнув на колени, она потянулась рукой в холодную глубь. Внезапно дощечка под ней хрустнула, девица прямиком-то и ухнула вниз, в сухой папоротник, только охнуть успела. Стукнулась об острые камни, счесав колени, но боли не почувствовала, только страх объял, что платье испортила. Сестрицыно платье-то, за косы оттаскает, если испортить. Не видать ей тогда нарядов больше, донашивать старое до дыр придётся. Росья торопливо ощупала подол и замерла - ткань влажная то ли от сырости, то ли от стёсанных коленей - в темноте не разобрать. Если кровь, то не выстирать. Поджав досадливо губы, полезла дальше - чего уж теперь терять. Сырость и темнота окутали, но как глаза привыкли к мраку, заметила кошку. Мутно блеснули зелёные глаза в тусклом жёлтом свете, что сочился через щели. Протянув руки, Росья таки нащупала меховой комок, потянула за мохнатые лапы, но тут из дебрей дремучих раздался треск, будто подкрался кто. Сердце дёрнулось да забилося галопом, она резко руки одёрнула, прижала к груди. Перепугавшись до онемения, задышала часто и глубоко, вдыхая еловую смолу и сырость земли. Завертела головой, но кругом никого, только густой полог леса. Не успела Росья опомниться, как поплыл из-за деревьев мутный туман, да не белый, как надо, а синий. Он тут же оплёл пояс. Так и заledenело всё в груди, и беспамятной сделалась от страха. Туман, словно чьи-то широкие ладони, скользнул по оголённым лодыжкам, будто ощупывал, и вдруг беспутно нырнул под подол. Росья попыталась отпих-

нуться, одёрнуть платье, но словно к земле приросла. Оплетая поясницу, туман хлынул морозцем вверх по спине, сжал шею - не вздохнуть, а в горло будто ледяных осколков насыпали.

Из ямы слышалось злое шипение и клёкот Рыжей. Хвоя над головой зашуршала, ветви вниз склонились, будто норовили схватить. Вздогнула Росья, сбрасывая невидимые оковы, подскочила на ноги и стрелой вылетела из замшелого оврага.

Неглядючи пустилась через заросли, и заметив в густых сумерках тропку, по ней и поспешила бегом к деревне. Следом колыхнулся в листве ветерок, ринулся с веток и окатил моросью. Росья ещё пуще-то и припустилась, выбежала на вспаханное поле и напрямик к огонькам.

За окоёмом отгорал закат. Солнце пыхнуло, озарив алым светом деревья да холм, по которому девица бежала, но тучи скрыли его быстро, ещё больше страха напуская.

"Говорил же дед Лытко в лес далеко не уходить!"

Странные случаи происходят в последнее лето. Толкуют люди, что Лесной Хозяин разъярился сильно, разгневался, поговаривают, обидел его кто-то, да так, что не одному волхву ещё не удалось его задобрить ни словом, ни жертвой, ни щедрым даром. Морок напускает, тропки путает, а иной раз девиц крадёт. Вон из деревеньки уже одна побывала в его заточении. Нашли бедную, а она только глазами хлопает. До сей поры не вспомнила ни родичей, ни подруг любимых, хо-

дит в беспамятстве и поныне. Никто так и не узнал, что с ней было. А как замуж отдали, оказалась и порченная девка, и кто теперь знает правду. Гуляла ли, или же леший что сотворил?

Густо покрыла темнота землю. Запыхавшись и едва не ваясь с ног от непрерывного бега, Росья перешла на шаг, прижав руки к груди, унимая сбившееся дыхание, но спокойней не стало.

"Кто же это был там, в лесу? И Рыжая осталась ночевать", - горестно подумала девица, но обернуться побоялась.

Запустила руку в связку оберегов, сжала, какие попались. Железо в ладони быстро потеплело. Всё одно глубоко вкралось предчувствие недоброго. Оторвав глаза от окоёма, Росья повернула в сторону деревни. Елица погрузилась во мрак. Избы просели в землю, что видны были только кровли и тлевшие в окнах лучины.

Решив сократить путь, снова свернула и пошла через высокие заросли лопуха. Пусть и цеплялось за колючий бурьян платье, и рвали косу сухие ветви, а быстрее хотелось оказаться рядом с отцом и матушкой. Приблизилась к отшибу, откуда доносились уже голоса деревенских да бляение коз, и страх схлынул. Теперь Росья ощутила, как колени от ушиба жгло. Глянула вниз - на подоле разводы бурые.

"Вот достанется от Станиславы, и матушка полезет в спор, выругает на чём свет стоит".

Выбралась на тропу - тут до родного терема и рукой по-

дать, пошла шагом. Земля под ногами мягкая, ещё тёплая. Залаял грозно цепной пёс из двора деда Лытко. Кошка бы оцетинилась, испуганно бы смотрели жёлтые, как подсолнухи, глаза в сторону подворья. Но Рыжая осталась в лесу...

Повернула за плетень, и показалась высокая кровля. Хоромы широки, просторны, у других скромнее будут. Проскользнув к задворкам, чтобы быть никем незамеченной, Росья тихонько вошла в калитку и, миновав старый яблоневый сад, добралась до порога. Щёлкнула задвижкой и за дверцу нырнула. Поднявшись в полной тиши по лестнице, оказалась перед дубовой дверью. Взявшись за ручку и осторожно толкнув скрипучую дверь, нырнула за неё и почти впотьмах прокралась по переходу. Из глубины терема загудели, как из трубы, голоса - видно, уже за стол родичи сели. Всё-таки опоздала, теперь лучше и не попадаться на глаза. На этот раз не повернула в кухонную клеть, чтобы пустить кошку по полу, а та не поднимет хвост трубой да к миске молоко лакать не пустится, и не слышно будут громкое, раскатистое мурлыканье.

Горестно вздохнув, Росья поднялась в девичью светлицу, юркнула в просторную хоромину, понадеявшись, что сестрица в трапезной со всеми. Переодеться бы успеть, платье спрятать, а с зари попробовать отстирать.

В светлице, слава матушке Макоши, не было никого, тлела в светце лучина, освещая прибранные постели. И уж, было, выдохнула спокойно, как скрипнула за спиной дверь. Ро-

сья с испугу вздрогнула, обернулась. На пороге, уперев руки в бока, возвышалась Станислава, раскрасневшаяся, в глазах искры.

- Где тебя злыдни носили, Росья? Матушка все глаза проглядела, тьма какая на улице.

- Так светло ещё.

- Тебе что день, что ночь, - фыркнула Станислава. - Бродишь, что отшельница бездомная. Не страшно тебе в лесах околачиваться? Батюшка же запретил. Вот попадёшься лешему, будет тебе тогда!

- Не страшно, - буркнула меньшая, припомнив странный туман. - Это вы за засовы крепкие прячетесь, а в лесу куда спокойнее, нежели слушать днями напролёт бабью болтовню да сплетни.

Соболиные брови сестрицы сначала выгнулись, а потом грозно сошлись на переносице, в глазах серых гнев сверкнул, обжёг.

- Вот как значит! А как сама уши греть - так не прочь!

Росья, знамо дело, вспыхнула: "Когда же это я уши грела? Что за клевета беспутная?"

Но только она хотела возразить, как Станислава замерла, а потом шагнула вглубь светлицы, обходя Росью стороной. Та, не будь вольна над собой, сжалась.

- Росья, что с платьем сделала?! - охала старшая, вертась вокруг, осматривая.

Младшая глаза закатила, взывая к заступнице Макоши.

Всё за платье сестра волновалась, а что под ним колени разбитые нетерпимо саднили - это её не трогало. Вот уж горе-девка, только тряпье на уме. Но Росья от чего-то почувствовала себя виноватой, голову пригнула.

- Прости, Станислава, - буркнула.

Та ерепенилась всё пуще, и раскаяние её не вразумило, глухая стала от гнева.

- Так и знай, больше не получишь ни одной рубахи от меня! - прошипела она, что змея. - Может, научишься беречь что имеешь, поймёшь, когда одеть больше нечего станет, тогда будешь хоть на долю ценить. Переодевайся скорее, нас отец к столу кличет.

Кивнув, Росья быстро прошла к сундуку, выуживая чистую рубаху, наспех стала раздеваться. Станислава уже девица на выданье, ей положено платье надевать да голову покрывать, а младшей ещё зимовать простоволосой да в рубахе девичьей носиться. Сердце защемило от того, что скоро, как и старшая, превратится в деву старую, ворчливую, хмурую и злую. Скукота несметная.

- Добегаешься ты, сестрица, околдует тебя кто в лесу, иль зверь утащит, - всё причитала Станислава. - Нельзя одной ходить в лес, нельзя, батюшка не велит. А ну всё расскажу, будет тебе встрёпка! Запрёт наверху в одиночку дни коротать, - роптала она, и с каждым её словом покой да уверенность Росья теряла.

И пока опоясывалась и из волос папоротник сухой да ре-

пей выбирала, всё не отступалась сестрица, разошлась в гневе, на лице уж и пятна багровые проступили. И ведь ясно, что за младшую волнуется, а оговоры её всё же обиду вызывают.

- Когда ты образумишься! Пусть боги мужа тебе pošлут такого, чтобы в ежовых рукавицах держал, спуску не давал! - грозила она, обжигая взглядом. - Батюшке всё расскажу, он выпорот тебя!

Батюшка был строгий, это верно, надо будет - и жгут в руку возьмёт, и по ногам стеганёт так, что расхочется не то, что в лес ходить, но и за частокол терёмной высываться.

- Не рассказывай, - попросила Росья, глядя в глаза сестре, приблизилась. - Обещаю, не пойду больше по темноте.

Хоть и младшая, а благо ростом вровень были, и глаза одинаковые - серые с зеленцой речной, но у сестрицы всё одно ярче и волосы русые с серебристым отливом длиннее и гуще. Чертами Станислава чуть мягче была в лице, пухлые губы, ровные брови, а взгляд, когда надо, делался робким, губы складывались так, что всё отдашь, лишь бы улыбнулась она. Да и фигурка ладная на загляденье, талия узкая, бёдра округлые, не то, что Росья - щепка. Матушка утешала, что мол не дозрела ещё ягодка, ещё всё станется. А потом и сама учить начала, чтобы не смотрела, как волчица, и улыбку нацепляла чаще, потому как, по словам матушки, хороша больно становилась, когда улыбалась.

Сама не своя от прихлынувших не к месту беспокойных

чувств, Росья шагнула вперёд и обняла сестру.

Станислава задереженела, было, а потом так и обмякла, тоже обняла.

- Ты чего, Рось? Случилось что ль чего?

Верно, никогда не обнимала сестрицу просто так. И верно от того Станислава была в замешательстве.

Росья головой покачала отрывисто, резко, и глаза влажные стали. Сама себе подивилась. Видно, лес морок навёл, закат - тоску, да и сердце продолжало заходиться, не успокаивалось, предчувствуя, не дай боги, беду.

Выдохнув тяжело, Росья выпустила сестру.

- Пошли.

Сестры спустились в трапезную. Отец, что сидел во главе стола чин чином, завидев припозднившихся дочек, смял крупные кулаки. Ещё не тронутые сединой тёмные брови от извечной хмурости сошлись на переносице, под густыми усами сжались в суровой твёрдости сухие тонкие губы. Строгость в льдисто-голубых глазах расшатывала в девицах уверенность, и каждой сделалось не по себе.

"Неужто прознал, что в лес ходила?" - Росья виновато отвела взор и столкнулась со взглядом матушки.

И как бы гордо ни сидела Вельмира рядом с мужем, во взоре её гуляло прохладное беспокойство. Золотисто-карие глаза матушки блеснули, на губах вымученная улыбка мелькнула и снова пропала. В тени мужа Вельмира казалась ещё меньше. Нарядно одета была: на узких плечах плат ле-

жал, вышитый нитью, височные кольца с кованными птицами, подрагивали, касаясь белых щёк. Косы толстые матушка всегда под повой прятала, как положено. Точёный носик, чуть вздёрнутый, придавал ей озорство и молодость, светлые брови и большие карие глаза делали её очень красивой женщиной. Росья пошла не в неё - ростом в батюшку, нос тоже его, тонкий и прямой, губы вовсе не маленькие. Хотя матушка и говорит, что улыбка её - глаз не отвести, но Росья губы поджимала каждый раз, когда вспоминала, как широко она улыбается. Иной раз на вечерних посиделках юноши забывались, смотря на неё неотрывно. Неловко тогда делалось девице, и серьёзнела в раз, не то, что сестрица - хохотушка, любившая привлекать к себе внимание нарядами да смехом звонким. При ней о Росье сразу и забывали. И радовалась младшая, что есть у неё Станислава.

- Чего оробели? Садитесь, - кивнул отец, потянувшись к крынке, наливая в корчик душистого, с укропом и зелёным луком, кваса.

Станислава чуть сжала в кулаки тонкие пальцы и, задержав дыхание, смиренно прошла к столу первой. Пристроившись рядом с сестрой, Росья всё больше чувствовала повисшее в воздухе тягостное напряжение, будто, пока она в лес бегала, тут случилось что-то важное. И Станислава молчала. Впрочем, сестра мало чем делилась с ней. О её возлюбленном Росья и то узнала от Руяны, чернавки.

- Ну что, Станислава, - начал Доброга, поглядывая с ин-

тересом на дочь, - дождалась ты суженого своего, пришла к тебе весточка.

Он умолк, зачерпывая деревянной резной ложкой кваса, поднёс к устам, отпил.

Станислава так и вытянулась вся, задубела, что берёзка молодая, на побелевших, было, щеках тут же багрянец вспыхнул, как маковый цвет. И только Росье было видно, как сестра сцепила под столом на коленях пальцы в замок. Понятно теперь, что матушка по случаю важному приделась. Вот же досада - подругам старшая делилась, что по сердцу ей Верлад, с ним она и хороводы водила всё лето, и он норовил её поймать в Купальскую ночь. Сестрица хоть и не делилась, а Росья догадывалась, что поцелуй юноша всё же сорвал.

- Ивар своего сына сватает нам, Станила, - сказал Доброга, подобрёвшими глазами глядя на старшую дочь. - А выбирать нынче не приходится, год неурожайный, да и сама знаешь, на весенней пахоте одного вола лишились, и земли теперь вдвое меньше досталось. А Ивар в вдвое больше, чем мы, собрал зерна.

- Твоя воля, - ответила тихонько Станислава, выслушав отца, кротко и смиренно опустив глаза, хоть и было видно, как кричит её сердце.

В груди Росьи сжалось всё, но воле отца нельзя перечить. Станил, сын мельника, был юношей видным. Пусть и волос с рыжиной, зато мастер на все руки - и косу подточит, и седло подлатает. Давно знали, что приглянулась ему Станислава.

Только бы не вспыхнула она в последний миг. И только Росья подумала об этом, как сестрица резко повернула голову в отцову сторону.

- Мне другой по сердцу, - выпалила она.

Доброга в раз посуровел, схлынуло и довольство с его лица. Матушка плечи расправила, прожигая Станиславу укоризненным взглядом. Чернавки, что на стол собирали, спрятались, но Росья знала, что уши они пригрели за дверью.

Есть перехотелось, да и повисла такая тишина, что зазвенело в ушах. Но отец вдруг ослабил плечи, буркнул:

- Верлад хороший. Только в мужья тебе Станил больше подходит. У него и изба богата, и полны короба зерён да муки, зимой голодать не будешь. Да и замёрзнуть не даст. Он давеча вот с торгу приехал. Привёз и шубы с черно-бурой лисы, и тканей цветастых. В общем, я всё решил, за него пойдёшь, такова моя отцова воля.

Станислава поджала дрожащие пухлые губки и, вздёрнув брови в мольбе, вскочила с лавки.

- Знамо мне, как ты заботаешься, за мешки зерна отдаёшь, - выпалила она жарко, ярясь.

Доброга так же твёрдо и терпеливо продолжал смотреть на неё, видно, заранее ждал, что дочь перечить начнёт, но желваки на его впалых скулах заходили. Матушка за руку его схватила крепко, сжала, призывая к спокойствию. Яркие зелёные глаза Станиславы увлажнились, не дождавшись никакого ответа, она всхлипнула и бросилась из трапезной прочь.

Росья хотела, было, за ней припуститьсь, но, столкнувшись со строгим взглядом отца, осталась.

Вечеряли молча, в тусклом свете лучин. Никто больше и словом не обмолвился о замужестве Станиславы. Росья понимала, что нынешняя зима для них испытанием будет. Запасов мало, чтобы прокормить себя, не то, что чернь, которую, по-видимому, Доброга распустит. Однажды уже случалась такая напасть в Елицах, Росья хорошо запомнила, как три года назад была засуха и неурожай. Многих в ту зиму Мара[1] прибрала к себе. Вспоминается, и дрожь по телу. В то время они как-то перебились. Было тяжело, тогда на её долю перепало много забот, приходилось и работу тяжёлую выполнять, и ночами не спать, сидя за пряжей да полотнами. Станислава и тогда всё руки не желала марать, мозоли натирать, а отец и не настаивал, жалел. Росья запомнила, как всю зиму кормились ячменём, но и сестрицу жаль - сердцу ведь не прикажешь. А любовь, говорят, такая, что ей ни смерть, ни голод не страшны, но младшая об том не знала, может ли такое быть. Едва справившись с двумя ложками пшённо-го варева, Росья отложила ложку и только поднялась, было, уходить, спеша утешить Станиславу, как отец остановил.

- Погоди, - отёр он усы, и голос его не был уж таким дробяще-жёстким, стал мягким и разморённым от сытости, видно, отлегло.

- Слушаю, батюшка.

- Разбаловал я её, - начал, будто оправдываясь, он, избегая

долго смотреть в глаза.

Повисло молчание, матушка ласково погладила руку Доброга.

- Ничего, придёт в себя и поймёт, что ты правым оказался, - в утешение сказала она, наклонившись к мужу.

Росья только в очередной раз подивилась доброте и смирению матушке. Ведь рассказала она однажды, что выдали её против воли. Не сразу приглянулся ей Доброга, а потом свыклась. После многих лет пришла и привязанность глубокая, и чувства сильные крепили с каждым годом. И сколь помнила Росья, говорила мать, что любовь настоящая появляется, когда вместе проходишь многое. И младшая видела, как любит матушка, как лучатся молодо её глаза, а лик светится, что полная луна. Лытко учил, что только терпение и смирение приносят дары.

- Ступай, - позволил уйти отец, обращая на неё задумчивый взгляд.

Росья чуть преклонила голову в почтении, поднялась с места и неспешно покинула трапезную. Едва очутившись за дверью, припустилась бегом в светлицу, на лестнице чуть не сшибла с ног Руяну, помощницу старшую. Ту, видимо, Станислава погнала прочь, и в глазах её Росья успела прочесть тревогу.

Сестрицу она застала рыдающей, ещё никогда не приходилась видеть старшую в таком отчаянии. Бесшумно пройдя вглубь, Росья взяла со стола светец и, присев на край лав-

ки рядом с лежащей Станиславой, поставила кованую подставку на сундук. Девушка притихла, было, но потом плечи её вздрогнули, и Станислава вновь зашлась в рыдании. Росся, не зная, как утешить, протянула руку, погладив сестру по мягким волосам, так и не возмев смелости что-либо сказать. Да и что тут скажешь. Любит она Верлада, из души такое не выдернешь, словно сорняк. Дед Лытко говорил, чтобы забыть любовь, времени много нужно. Но впрочем, Росся всё равно не понимала, с чего бы по юноше вот так убиваться.

- Ну будет тебе, может, со Станилом слюбится ещё.

Сестра замолкла, а потом повернула голову. Лицо её уж всё мокрое стало от слёз, растрепавшиеся волосы облепляли красивый лик девушки.

- Тебе почём знать, каково это? У тебя не сердце в груди, а сухарь. Не лезь лучше, ложись спать, - огрызнулась она и снова отвернулась, задушив рыдания в подушке.

Росся убрала руку с горячего плеча сестры. Слова сказанные задела, и уйти бы подальше, но осталась сидеть на краю лавки.

- Наверное, и мне недолго оставаться в отчем доме, - вдруг проронила она.

Станислава замерла и вновь повернулась, позабыв о своём горе, с подозрением глядя на младшую.

- Чего ты такое мелешь? Срок твой ещё не вышел, рано думаешь о таком.

И в самом деле, можно было послушать Станиславу, но

чутьё не обманешь.

Говорить вслух о том, как почувствовала, что о ней узнал кто-то, только смешить лишний раз. Станислава, выждав в молчании, вдруг подобрала ноги и, спустив ступни на прохладный пол, села.

- Признавайся, о чём ты говоришь? - утёрла она ладонью щёки.

Росья подняла на сестру взгляд, пожалев, что сболтнула лишнего. Ведь это она напороочила старшей встречу с Верладом, и после того сестра начала прислушиваться к каждому её слову. Только младшая зареклась говорить о том, что не быть сестрице долго с возлюбленным. Что отец отдаст дочь за другого.

Росья, думая обо всём этом, смотрела будто сквозь сестру, но та ждала-таки ответа. Младшая смолчала - чего худое кликать, может, уляжется ещё всё. Да защитит Макошь от беды.

- Не бери в голову, - отмахнулась Росья, поднялась, направилась к своей лежанке.

Стянув с волос накосник[2], она сняла платье, оставшись в белёной сорочке, осмотрела раны. Сильно сшибла, но благо, подсохли. А Рыжая так и в лесу осталась, не подберётся к её ногам ночью, комочком свернувшись, только бы не растерзали злые псы. Станислава, наблюдая за сестрой, как та укладывается спать, молчала, но вспомнив о своей доле, вновь всхлипнула, заходясь рыданием.

Забравшись под одеяло, Росья расплела косу, отвернулась к стенке, закрыв глаза, и ещё долго слышала глухое сопение старшей сестры. Пусть плачет. Чтобы дальше жизнь была слаще, девке лучше сейчас оплакать свою вольную жизнь. Так дед Лытко говорит.

Росья спала беспокойно, то проваливалась в чёрную яму, то вздрагивала, просыпаясь, пока не оказалась на берегу реки. Тёмные воды накатывали грязно-серой волной и с шумом отходили от берега. Босые ступни утопали в холодной глине. Хлестал по лицу ледяной ветер вместе с дождём. Росья всё вглядывалась через мутный шквал вдаль, будто ждала кого-то, и среди полотна марева она различила лодку. Даже издали она увидела седые косы Бреславы. Сердце в похолодевшей груди дрогнуло, девица шагнула навстречу, и тут же по колено захлестнула вода, потоком отталкивая её назад к берегу, едва не сбив с ног. Росья не сдалась, снова сделала попытку идти навстречу приближающейся лодке, на этот раз накатило по пояс, намокшее платье прилипло к груди, подол раздувался в серых волнах парусами. Росья махнула рукой и хотела было крикнуть, что она тут, чтобы Бреслава увидела её, но наконец, сумела привлечь внимание. Старица повернула голову, заметила Росью, и уже совсем скоро лодка причалила к берегу, ткнувшись носом в глиняное дно.

- Что ты тут делаешь? - Бреслава, казалось, была не рада её видеть.

Росья растерялась, смахивая с лица мокрые волосы, дрожа

от холода. В лодке сидел старец в серых грубых одеждах, на девуцу он не смотрел, сжимая в посеневших от холода руках весло, ждал.

- Уходи, Росья, рано тебе ещё сюда. Уходи.

- А как же ты? Я тоскую по тебе.

Бреслава вздохнула, лицо её разгладилось, а глаза стали такими глубокими и мутными, как вода под ногами.

- Я больше не вернусь, уплываю в последний путь, ждут меня мои предки. А ты, ступай.

- Как же? - встрепелась Росья, не веря своим ушам. - Лытко нагадал зиму холодную, запасов мало. Вот и Станиславу батюшка отдаёт за мельника, в печали она от того, не хочет за Станила, - сказала Росья, но вспомнила вдруг и о своей собственной судьбе, добавила: - Пугают меня видения разные, лезут в голову. Что это, Бреслава, расскажи?

Гребец чуть повернул голову, но лица его под тенью одежды не увидела Росья. Старица сжала бесцветные губы, раздумывала.

- Вот что, дочка, я тебе скажу, - помолчав, сказала она. - Жди гостя, он многое откроет тебе.

- Какого гостя? - не поняла Росья.

- О том узнаешь в свой срок, - нахмурилась Бреслава, и девушка почувствовала, как тяжело ей даётся говорить, - ...бедствовать вы не будете...

- Не понимаю ничего, - замотала головой Росья, и так холодно стало, что зуб на зуб не попадал.

- Дар в тебе просыпается, Росья. Время твоё подошло, - вздохнула старица тяжело и замерла. - Пора мне...

Только тут Росья почувствовала, что буря стихла. Чавкнуло в воде весло, и лодка вновь отошла от берега. Бреслава села спиной к гребцу, и ещё долго Росья видела её, пока туман не поглотил их, а сердце разрывалось от тоски.

Снова хлынул ветер, и смешались глубокие воды с небом, чернело стремительно, нагоняя мрак. Девицу покачивало, она сделала шаг, но оступилась и упала в воду. Накатившая волна накрыла, сковал ледяной холод. В следующий миг грудь сдавило и обожгло болью, Росья закричала, мгновенно потоки воды ворвались в горло, забивая дыхание.

Она открыла глаза и тут же, зажмурившись, уткнулась в подушку, глубоко и часто дыша, пытаясь задушить проступившие слёзы, но, горло, будто тисками прихватило. Знать, бабки Бреславы не стало... Но не успела она погрузиться в горе, как взяло смутное предчувствие. Открыв глаза, Росья обнаружила, что всё так же лежала отвёрнутой к стенке, только светёлку заливал утренний, холодный свет. Всей кожей почувствовала, что Станиславы нет рядом. Повернулась, чтобы убедиться в том, и застыла. Сердце захолонуло в страхе. Лавка сестры пустовала.

"Странно, обычно спит до пения последнего петуха. Уж не надумала ли сестрица сбежать?"

Только подумала, и мороз по телу: - "А что, если правда? И сон этот не случайно."

Росья в лихорадке поспешила вспомнить, о чём толковала бабка, но ночь неумолимо утекала, как вода сквозь пальцы, забирая с собой все видения.

"Нет, не может Станислава так поступить с отцом, матушкой, со всеми!"

Однако Росья не выискала взглядом девичьих уборов: ни гребня на сундуке широкого, резанного из кости, (им сестра очень дорожила), ни очелья, расшитого жемчугом, что носила не снимая, ни накосников, ни бус. Только платья были разбросаны по лавке, будто сестра ворошила их, наспех перебирая, а такого она никогда не позволяла себе - всегда опрятная.

Росья, не помня себя и напрочь позабыв о сне, слетела с лавки, не почувствовала стопами и ледяного пола, прошла к месту Станиславы. Вновь и вновь оглядывала беспорядок, что учинила сестра. Вышла из-за оцепенения, когда за дверью шаги тяжёлые послышались.

Отец предстал перед дочерью распалённый в гневе, до красноты в глазах.

- Сбежала, - пыхнул он горячим дыханием, раздувая ноздри, глядя на пустующую лавку Станиславы.

Но тут взгляд его скользнул к Росье, будто он только что её заметил.

- Ты знала?

Росья не вольна собой от растерянности, замотала головой.

Стиснув челюсти отец, снова бросил взгляд на лавку.

- Даже нарядов своих не взяла, паскудница.

За его широкой спиной появилась матушка, напуганная и встревоженная.

- Найду, на глазах у всех выпорю, - прошипел он, горячась, развернулся и ступил за порог.

- Из терема ни ногой! - только и услышала Росья его строгий наказ.

Она стояла ни живая ни мёртвая, осознавая, что сестрица натворила. После такого не быть Доброге старостой в Елицах, погонят.

Сердце бешено запрыгало в груди, и руки дрожь проняла. Не медля больше, Росья кинулась платье надевать, опоясавшись, наспех заплела и косу. Нужно найти её. Хоть отец и приказал не покидать стен, но Станиславу нужно вернуть!

«Пока народ обо всём не прознал, может, обойдётся ещё всё», - лелеяла она надежду.

Отперев ставни, Росья выглянула наружу. Елица, ещё погружённая в предрассветные сумерки, потихоньку просыпалась. Рыбаки уже ставили сети на песчаном берегу, лаяла всё та же злючая псина за околицей. На окоёме полосами сочился через плотную пелену туч тусклый свет. День будет пасмурный. В ответ этой мысли закрапал дождь, оставляя на руках Росьи дрожащие холодные капли. Закрыв ставни, она прошла к двери, снимая с крючка душегрейку.

Как же она не услышала ухода сестры? Всё сон, такой глу-

бокий и крепкий был, что и не очнулась. Вспомнила о Бреславе, и в груди сердце сжалось. Неужели ведунья всё же покинула этот мир и по реке забвения отправилась в свой последний путь, в чертог предков?

В голову одно за другим хлынули воспоминания былые, предстали перед ней те времена, когда бабка жила с ними. На то время Росье было от роду восемь зим, мало тогда она смогла уразуметь слов её, да перенять мудрость старицы. А толковала она дельное, вся деревня ходила к ней за словом заветным. Она и судьбы разгадывать могла, сама Макошь-пряха ей в том покровительствовала. Но однажды Бреслава собралась и покинула кров. Куда пошла - не сказала, но стой поры о ней никто ничего не слышал. Росья часто вспоминала её, тосковала, а теперь вот и сон придвинулся.

"Знать бы, чему наставляла она во сне?"

И вдруг вспомнила. Говорила о даре к пророчеству, что срок подошёл. Росья поёжилась, застёгивая последнюю петлю жилетки, душно, жарко стало. Она выглянула за дверь.

- Руяна! - позвала чернавку.

Девка быстро появилась на лестнице.

- Звала, Росья?

- Отец где?

- Так ушёл только давеча, - она перехватила тяжёлую корзину в другую руку, видно шла стиранную одежду развешивать в натопленную клеть.

"Откуда же Доброга узнал, что Станислава терем покину-

ла? Может, люди его видели?" - но вслух Росья ничего не сказала, верно чернавки ещё не знают, что приключилось ныне ночью, и об уходе старшей дочери Доброги ещё не прослышали.

Росья вышла за порог, притворив за собой дверь, спустилась.

- Куда же ты в такую рань? - остановила её Руяна, любопытствуя.

- Росой хочу умыться в поле, - не задерживаясь более, она спустилась на крыльцо, сбежала с порога под хмурое небо, огляделась.

Отец, верно, пошёл напрямиком к избе Верлада толковать с отцом наглеца, что посмел увести дочку. Оглядев верхушки сосен, Росья выйдя из ворот, направилась к лесу. Потянуло именно туда.

В лесу среди рыжебрюхих деревьев было куда теплее и ветра мало, только шумела хвоя над головой. Росья шла быстро, смотря под ноги. Мерешилось, будто ступает след за сестрицей, так и мелькает подол платья её. Раздумывать она себе не позволяла много, боялась сбиться с пути, что пролегал через лес и расщелины, а вскоре Росья забрела в скальную межу, только кругом вековые каменные глыбы поросшие мхом. В воздухе так и звенел тихий смех Станиславы, будто рядом она была. Девушка, не выдержав, остановилась, подняла подбородок, вглядываясь в прорехи крон, где виднелись клочки серо-сизого неба. Дождь зача-

стил плотнее, ударяясь о лицо Росьи, холодные капли катили за ворот, она щурила глаза, моля богиню Макошь подсказать ей путь дальше. Но этого не потребовалось. Девичий голос слышался с глубины леса, и не было сомнений, что принадлежал он Станиславе, звучал не в голове призрачным туманом, а со стороны скального утёса. Росья решительно направилась туда, ступая по мягкой усыпанной влажной хвоей земле. Пробравшись через заросли вереса, остолбенела. У расщелины густо дымился затушенный дождём костёр. Беглецы собирались в путь, торопились. Станислава была одета тепло, голова покрыта платком, хоть и не любила она так носить его. Она подхватила с земли мешок походный, затягивая верёвкой. Верлад, высокий плечистый юноша с кудрявыми русыми волосами до плеч и такой же, уже по-мужички густой отросшей бородой, надевал шапку, укрываясь от дождя. Он первый завидел Росью. Станислава повернулась в ту же сторону, куда смотрел и её возлюбленный.

- Росья, - положила она руку себе на грудь, выдохнула, - напугала же ты.

- Вернись домой, - потребовала тут же младшая, выходя из укрытия. - Отец пошёл искать тебя.

Возлюбленные переглянулись. Верлад понурил голову, и Росья поняла, что вернись тот, не сносить ему головы.

- Пойдём, ещё можно отговориться. Пока есть время.

- Сдурела! - прозвучал сталью голос Станиславы. - Не вернусь я, поняла? Не люб мне Станил. Если хочешь, выходи за

него вместо меня, раз тебе так надо.

Росья от обиды поджала губы. Станислава и раньше была на слово не скупа, иногда и груба, но сейчас обида сжимала горло. За что так сестрица обозлилась на неё?

- Без тебя я не вернусь. Подумай об отце, что с ним станется?

Глаза Станиславы сделались стеклянные и такие зелёные, ярче еловой вымытой дождём хвои.

- Не могу я, Рось, не проси, - моргнула она и сделала шаг к Верладу, прижимаясь к его боку. - Возвращайся да передай батюшке поклон, пусть простит меня, если сможет, и ты прости меня. Верно, больше с тобой мы не свидимся.

От таких слов земля под Росьей вздрогнула, будто ударил в неё гнев Перунов. Бессмысленно пытаться настаивать, сестрица решение своё приняла.

Станислава, вдруг вырвавшись из объятий Верлада, бросилась к сестре, обняла горячо. Обдал знакомый запах трав медуницы и зверобоя, коими мыла она свои густые волосы.

- Прости, - прошептала сестра, заглядывая в глаза, и Росья ощутила её горячую ладонь на своей щеке, - наряды мои себе забирай, - сестра отняла руку и, отступив, побежала обратно к Верладу.

Росья так и стояла, немая от неверия в то, что Станислава ушла. Навсегда. Проводив их взглядом, пока те не скрылись в глубине леса, младшая вздрогнула от пронявшей её зяби. Промозглый воздух забирался за шиворот. Росья перевела

взгляд на костёр, и её объяло такое одиночество, что заболело в груди. Сжав в кулаки холодные пальцы, она прильнула спиной к стволу, задышала часто. Что теперь их ждёт? Что будет с родичами? Больше всего тревожил отец, ведь какой же позор обрушится теперь на его голову, на саму Росью. А она не смогла вразумить Станиславу, да и куда ей? Разве старшая слушала её когда...

Росья не успела оправиться, как вдруг в спину ей будто ткнулось что-то острое. Она выгнулась, потеряв дыхание. Лес, окутанный туманом, поплыл. Хватаясь за ветви, чтобы уберечься от падения, Росья не устояла всё же и упала на колени. В глазах резко потемнело, и перед собой она увидела не кущи, а просторные широкие хоромы. Не успела удивиться и испугаться одновременно, увидела среди них мужчину. Высокий, статный, с широкой спиной. Видно знающий ратное ремесло, в походах побывавших не единожды, стоял он, отвернувшись, и волосы его тёмные падали на плечи.

- Дарко, я знаю, где её искать, - мужчина повернулся, и Росья вздрогнула, столкнувшись с пронзительными, серо-карими, как кора дуба, глазами.

Девушка втянула в себя холодный воздух так глубоко, будто только что вынырнула из недр реки. Сминая в пальцах комки земли и закашлявшись, она села.

"Дарко, - билось в голове, - Дарко".

И тут-то воспоминания сна обрушились, будто снег на голову.

"Дарко, не об этом ли госте говорила ведунья Бреслава!?"
Ответом были лесная тишина да глухой шелест крон.

[1] Мара - богиня жатвы, плодородия и смерти, покровительница колдовства и справедливости

[2] Косник (Накосник) - девичье украшение, вплетавшееся в косу при помощи шнура между прядями волос.

ГЛАВА 2. Дальние земли

ГЛАВА 2. Дальние земли

Тишину разорвали грубые и весёлые возгласы мужчин, с грохотом стукнулись кубки, полилась брага да медовуха через края. И снова на некоторое время воцарилось молчание, пока побратимы опрокидывали содержимое чар в себя. Знатный пир устроил князь Мстислав по случаю приезда волинян в Дольну, собрав и всех своих друзей за общий стол. Знатный, но ненужный... Беспокоил Волот, слишком старший брат пристрастился к подобному увеселению, дай только повод. Дарко это не нравилось, как не нравилось и то, что сажает рядом с собой не самых благочестивых воинов. Взять хотя бы Венцеслава. Дарко невольно глянул через край чары на вытянутого поджарого с редкими усами и чёрными, что воронье крыло, волосами сборщика подати.

"Подонок, обирает народ без зазрения совести. А Горята, сын купца?"

Дарко перевёл взгляд на хмурого тучного мужчину с короткой рыжеватой бородой, который присосался с жадностью к питью, что пиявка, ходит за Волотом, что тень.

Осушив чару первым, Дарко отставил посудину. Расстегнул петлю ворота кафтана, что стал натирать шею и колоть.

От духоты голову сжимало раскалёнными клещами. Челядь раскрыла ставни, чтобы хотя бы врывался вечерний и в последнюю седмицу ставший по-осеннему холодный воздух, но он лениво залетал в палату, обдавая скудной освежающей прохладой, которой вовсе не хватало, чтобы вздохнуть полной грудью. И когда мужчины заговорили о дальних плаваниях, Дарко поднялся со скамьи и отошёл от общего стола ближе к выходу, где спасительно дул сквозняк. Прислонившись спиной к холодному каменному столбу, он расстегнул остальные петли. С него было достаточно питья - огненным сделалось дыхание, а каменный покрытый узорами потолок плыл, и Дарко закрыл глаза на миг, чтобы остановить поднявшуюся к горлу муть.

- Влей-ка и мне, краса, - услышал он голос Полада рядом с собой.

Княжич открыл глаза, наблюдая, как побратим подставил под кувшин чернавки чару. И ненароком залюбовался девицей, что наливала гостю питьё, несмело поглядывая то на Полада, то на самого Дарко. Весьма миловидна: с пышной русой косой через плечо, глаза... Глаза голубые, как дождевые капли, именно такие ему нравились, чистые, непорочные, только вот была ли так же чиста девица внутри? Взгляд княжича невольно скользнул к нежным маленьким губам и ещё ниже, к открытой тонкой шее, от вида которой во рту враз пересохло, а затем беспутно сполз вниз на сочные топорщащиеся в стороны налитые груди, что так плотно облежала рубаха

с вышитым воротом. Открывшийся вид мгновенно разжёл в нём бесстыдные желания, к животу хлынула жидким огнём кровь, налились мышцы тяжестью. Впрочем, в последнее время для него все девицы были привлекательны. Особенно ныне, когда голова хмельная, и шальные мысли лезли в неё против воли.

Он должен думать не об этом. Бесы бы побрали Мирогоста. Впрочем, Дарко клял и себя, что согласился дать обед воздержания, который обычно воины блюдут для обретения силы духа.

Губы девицы тронула ласковая и почтительная улыбка, когда она проследила за Дарко. Оторвав ставший глубоким и многообещающим взгляд, она пошла дальше к гостям.

- Не надоело тебе быть тенью Волота? - спросил побратим негромко, чуть наклонившись.

- Князь Избор, как встанет лёд на Межне, собирается в поход на север, отбивать Ставгонь, - продолжил гнуть своё Полад, - новые земли, люди.

О зимних походах волыньского князя Дарко уже получал весточку от Полада и не одну. Не раз Дарко порывался покинуть Дольну, не раз ругался по этому случаю с отцом, матушкой, да только как собирался, так и передумывал. Мсти-слава он не мог покинуть с ссорой, и с тяжёлым сердцем поход только в тягость будет. И видят боги, ему всё это костью встало поперёк горла.

Поладу не потребовался ответ, побратим прочёл всё по глазам.

- Не нашли, знать, ведунью... - рассеянно проговорил он.
- Сколько же это будет продолжаться, ответь на милость?
- Я уже перестаю верить, что нам кто-то поможет, - Дарко показалось, что ответ его прозвучал слишком обречённо.

"Проклятый крепкий мёд, что развязывает не только язык, но и душу".

Волот громко засмеялся. Дарко вновь обратился к нему. Сейчас брат выглядел живым, и не скажешь, что на нём лежит тяжкое бремя. Дарко младше его на три зимы, и это было внешне заметно - Волот куда здоровее в росте да размашистей в плечах, хоть по сравнению с другими мужами Дарко не жаловался слаженностью. Видя сейчас Волота рядом с отцом, в очередной раз убедился, как схожи они: тёмные волосы, такие же тёмные живые глаза. Дарко не пошёл в отца, черты перенял от матушки, хоть и тёмные брови, но волосы светлы и глаза цвета сложного. У неё они орехового, тёплого отлива, пылало жаром в них доброе великодушное сердце.

Брат стих и теперь переговаривался с отцом Мстиславом, что занимал главное место длинного стола. Мстислав весь вечер так и не сводил своего угрюмого взгляда с Дарко и Полада, подозревая, верно, что последний, приехал вновь уговаривать младшего отправиться в поход за Межну. Отец не скрывал своего недовольства по поводу приезда волынянина

да его свиты, и след хмурой думы не сползал с его лица ни на долю, хотя пытался всеми силами скрыть это.

Для Полада не оставалось тайной, что именно удерживает друга возле старшего сына Мстислава, но он не терял надежду, вновь и вновь заезжая в Дольну к побратиму, чтобы увлечь того захватывать новые земли.

Мстислав не позволит уйти. Особенно сейчас, кода предстал случай спасти Волота от проклятия. Хоть ведунью Бреславу не успел Дарко застать в живых - умерла она, он поздно прознал о её силе. Приехал в Дубраву с разницей в день, но не зазря всё же проделал путь, помощница старухина поведала, что у Бреславы внучки есть, и что они якобы тоже имеют дар провиденья. Только где они живут, и откуда сама ведунья родом, никто не знает. Говорят, что пришла в Дольну с топей, да только их кругом тьма тьмушая, в какую сторону не ступи - одни топи. Слух то, ложь ли, но Волот нашёл одну из них, узнав по берегам родовым, что висели у той на шее, как и у бабки. И если успеет отыскать сестёр до морозов, то...

- Ты же погостишь ещё? - спросил Дарко друга после некоторого раздумья.

- А куда мне спешить? До первых заморозков я волен, - ответил с воодушевлением побратим. - Тем более, поговаривают у вас на посаде, что Волот жениться надумал. Может, успею ещё погулять на пиру.

Дарко удивлённо приподнял брови: - "Откуда узнали?" Он покосился на Горяту, презрительно кривя губы.

Сколько блудниц в княжеские палаты приводит, они верно и вынесли все тайны в люди. Хорошо, что Волоту ещё хватает ума держать перед ними язык за зубами, пусть и все догадываются о недуге его, но коли Горята и дальше будет ходить по пятам, до добра это не доведёт.

- Всё верно, за невестой отец меня посылает, и вот теперь думаю... не послужишь ли добрую службу? Со мной не съездишь ли?

Полад вскинул светлые брови, сощулив в любопытстве холодно-синие глаза.

- Дык а почему нет, коли друг просит в кои-то веки.

- Вот и славно, - отстранился от стены Дарко, случайно напоровшись на пристальный взгляд Волота.

Младший княжич отвернулся, стиснув зубы, и, забрав у Полада с рук чару, поднял к устам, сделав пару глотков чуть горьковатой бражной медовухи, вернул опустевшую посудину обратно. В голове шумело, и питьё всё горячило кровь.

- Что-то тесно мне тут. Я пойду, - бросил небрежно он.

- Ступай, а я, пожалуй, останусь со своими людьми. Хоть отец твой и не очень-то рад моему прибытию, но добрый у князя Мстислава мёд, - хмыкнул он, развернулся и пошёл к столу.

Дарко фыркнул - друг совсем не изменился. Постояв некоторое время, он тоже развернулся и направился к выходу, оставляя шумные, пропитанную терпкими запахами палаты. На самом деле он смертельно устал, ещё не отдохнул с

дороги после поездки к ведунье Бреславе, и лучше выпасться как следует перед отъездом в Елицы.

Повернув в тёмный переход, княжич едва не сбил с ног чернавку, да только та не поспешила отскочить, напротив, прильнула плотно, как тёплая волна к лодке, и тут же он ощутил на животе горячие ладони.

"Поджидала, знать", - скользнула и застыла догадка, как капля воска на свечи.

Голубые глаза сверкнули прохладно и томно, потухли в густой тени ресниц, пленили. Дыхание перехватило, когда руки девицы скользнули на пояс, забрались под подол рубахи, пробравшись к тесьме портов. Дарко понадобилось некоторое время, чтобы сбросить оцепенение и склониться к осмелевшей девице. Тут же отыскал в темноте губы, что оказались такими сладкими и мягкими, аж озноб прошёлся по телу, и Дарко с напористой жадностью впился в них, вдыхая кисло-сладкий запах, кажется, яблони, от которого он, во все потерял ум - слишком аромат был дразнящим, чтобы оттолкнуть девицу, слишком тесно она прижалась, чтобы воздержаться. Её ладонь легла на затвердевшее естество, чуть сжала бесстыдно. В глазах уж совсем потемнело, и Дарко пошатнулся, чувствуя, как кровь мгновенно сгустилась и комом упала в пах, он не сразу заметил, что стискивает и оглаживает плечи девицы в ответ. Губы девушки блаженно растянулись в улыбке, когда пальцы её скользнули вверх-вниз, выталкивая из дурманной головы всякие мысли. Вынести та-

кое было невозможно, ощутил, как ласки быстро приводят его к слишком скорому удовлетворению.

Дарко одной рукой перехватил запястье распутницы, другой легонько сдавил шею, притягивая девку к себе теснее, так близко, что он ощутил жар её дыхания на своих губах, а под пальцами - бешено колотившуюся жилку. Когда бурлящее в венах вожделение спало, оставляя только клочок сердца, Дарко припомнил, что по воле Мирогоста последние полгода к женщинам он не прикасался.

"Клятый старик!" - выругался он про себя. Но данный перед богами обет нужно исполнять до срока, иначе какой он воин, коли млеет от одного касания девицы, как бесхребетный отрок.

- Принеси ещё мёда моему другу, - шепнул он прямо ей в губы.

Чернавка, в недоумении бегло посмотрела ему глаза, вдруг отвела взор - запоздало взял её стыд. Выпустив её, княжич отступил. Девица же бросилась прочь и уже скоро скрылась за тяжёлыми створками дверей.

Выдохнув с шумом, Дарко поправил пояс и ворот рубахи и пошёл к лестнице.

Шаги гулко отдавались о белокаменные стены и раскатывались по потолку, по пути Дарко никто больше не встретился, и он свободно поднялся в опочивальню. В покоях уже хлопотал Мирята, парень шестнадцати зим с пшеничны-

ми вихрами и узким бледным лицом, ловко поджигал светцы, успев натащить и угли в чугунах, и воду для вечернего омовения. Дарко отослал Миряту от себя, пребывая в дурманном тумане. Тот, пригибая голову, подчинился велению княжича, бесшумно выскользнул за дверь. Оставшись один, Дарко, скинув с себя кафтан и умывшись большими пригоршнями прохладной воды, что принёс отрок, повалился на постель, устало прикрыл глаза. Голова кружилась так, будто его раскачивала в люльке усердная нянька. На теле всё ещё горели следы девичьих рук, а сладость губ сбивала всю горечь выпитой медовухи. И сквозь муть билась тревожная догадка. Странно, он не видел раньше эту чернавку в тереме. Княжич откровенно посетовал, что и имени не выспросил. Нужно быть настороже, всё же доверять Горяте и Венцеславу не стоит, да и не вызывали они никакого доверия, ведь верно после их появления в палатах в посад поползли разные слухи. Волот ищет поддержку у них больше, чем у собственного брата, и с каждым днём отношения становятся всё холоднее, будто между братьями пробежала чёрная кошка.

Дарко вдохнул полной грудью, унимая дурноту. Благо в опочивальне было свежо, и от каменных стен веяло прохладцей, потому постепенно делалось лучше. Завтра предстоит отъезд в Елицы, вспомнил он, заставляя себя уснуть. Пусть и два дня пути, не так уж и много, но суждено ночевать под открытым небом. Но сон не шёл, несмотря на то, что день оказался тяжёлым, да ещё этот пир, и в голову лезли сквер-

ные мысли, разрывая на части. И больше всего тревожила выдумка Волота о женитьбе на деревенской девице. Хотя и прошёл почти год с тех пор, как погибла Града, но нужно отдать дань уважения князю Бориславу, и пускать слухи о новой невесте неразумно. Впрочем, Мстислав поддержал сына. Матушка же, хоть и имела на это свои измышления, но делиться ими ни с кем не стала, согласилась с волей мужа.

А в том, что одна из внучек свободна, как ветер в поле, Волот перед отцом заручился, потому как на шее у неё нашёл горсть оберегов, что носят только незамужние девицы. А потому нужно поторопиться, чтобы кто-то не забрал её раньше него.

Дарко повернулся на бок. Свет от масляных светильен тускло озарял пустые стены, ледяная тишина окутала княжича, как толща снега. Но напряжение всё ещё не отпускало. Раньше Дарко не пугала способность брата блуждать бесплотным духом по землям и дремучим лесам. Рассказы, как тот ловил и щупал девок, казались ему всегда увлекательными, до поры, пока Дарко понял, насколько это всё серьёзно, и как далеко брата утягивает его вторая личина. И где носилась в эти мгновения его душа, только отец-Велес знает. А после смерти Грады Волот так и вовсе канул во тьму, уход возлюбленной потряс его. И дошло до того, что если раньше редко с ним случался недуг, то ныне проклятие могло подкашивать его любое время и в любом месте. Князь Мстислав бросил все силы, чтобы исцелить старшего сына. Беды по-

сыпались с того времени, когда Волот вышел из отрочества. Сначала Дарко не рассказывали о проклятии, да и было ему на то время почитай семь зим отроду - много ли понимал? Но когда Волот надолго засыпал и не выходил подолгу из палат, бывало, и до седмицы, тогда младший стал понимать, что со старшим что-то не так. Сколько тогда приходило к князю знахарей, волхвов да колдунов - не счесть. Только руками они разводили, кладя ладонь на сердце, клялись, что не встречали никогда подобного случая, а найти наславшего проклятие отказывались, признавая своё бессилие.

Дарко издал тяжкий вздох, и грудь будто придавило каменным пластом. При воспоминании о волынянинах княжичу и вовсе сделалось горько. Полад только пуще разжёл желание поскорее вырваться на волю.

Пребывая в беспокойных думах, княжич не заметил, в какой миг его сморило. А когда открыл глаза, то ощутил себя вполне сносно, несмотря на то, что выпил едва ли не бочонок бражки вперемешку с медовухой. Всё же наставления Мирогоста имели ценность, если бы не обет, оставил бы подле себя ту девицу, и вряд ли она позволила бы ему прикорнуть, мотала бы всю ночь. Хотя по совести, и пить бражку не следовало.

Поднявшись с постели, тут же услышал тихие шаги Миряты. Отрок с извиняющимся видом принёс воды для питья и чистую одежду, но тут же удалился, а вернулся уже с ушатом воды и рушниками. Палата за ночь выстыла, и кода Дар-

ко стянул исподнюю рубаху, по спине к затылку прокатилась зябь. Совершив омовение, он облачился в чистые одежды, покинул опочивальню, наказав помошнику упредить о сборах в дорогу Полада, хотя нужно было это сделать ещё вчера. Мстислав не позволил толком переговорить с другом.

Белокаменный терем озаряло поднимающееся из туманной дымки светлое Дажьбогово око, пробуждая нагромождённый строениями посад. Людей в Дольне нынче было тьма, к зиме всегда так. Купцы спешат продать свои навезённые с чужих земель товары, а народ запасается на лютые холода всем необходимым. Дома в Дольне разрастались как грибы, сюда стекались и волыняне, и выходцы с дальних краёв.

Спустившись вниз по пустым палатам, Дарко направился прямым в отцову сторону. Выставленные спозаранок у входа гридни распахнули перед ним обитые железом двери, и княжич свободно вступил в просторную, залитую голубоватым утренним светом хоромину. Ждать никого не пришлось - отец уже сидел за столом, у распахнутых ставень возвышался Волот, чуть поодаль сидел, опираясь на посох, Мирогост. Брат первым повернулся в сторону дверей, сложив на могучей груди руки.

- Доброго здравия, - поприветствовал Дарко мужчин, проходя вглубь по выстеленной на полу багряной ковёрной дорожке.

- И тебе не хворать, - хмуро глянул на него Мстислав, ответил за всех, поднимая на сына тяжёлый, как свинец, взгляд, зная не спал всю ночь, предаваясь думам.

В последнее время вместе с притоком народа пришло много хлопот, и пока Дарко гонялся по всей окраине Дольны за ведуньей, немало князю тут задач перепало.

- Садись, - позволил он.

Дарко опустился в одно из массивных резных кресел, положив локти на стол, сцепил пальцы в замок, окинул внимательным взглядом Мстилава и перевёл его на Волота. Тот держался чуть отчуждённо, и Дарко не мог не заметить туманной пелены в его тёмных, как дёготь, глазах, припоминая, что вчера братец выглядел куда бодрее.

- Надеюсь, путь ты проделаешь не зря, - начал издалека Мстислав, отвлекая от раздумий.

- И я надеюсь, - ответил Дарко и тут же добавил: - Сложно будет забрать молодую девицу из семьи.

- Можно было бы сказать правду, всё как на духу, - подал голос Мирогост.

- Да, - согласился с волхвом отец. - Но только кто по доброй воле согласится тягаться с проклятием? Или забыл, что приключилось с теми, кто посмел нарушить границы Хозяина, - Мстислав последние слова подчеркнул с нажимом, но вздохнув устало, проговорил спокойнее: - Никакое злато не оплатит такое.

- Однако ещё никто не отказался от богатств, - вмешался

Волот. - Думаю, что этого будет достаточно, чтобы договориться с любым человеком.

Перед Дарко со звоном грохнулся кожаный расшитый узел.

- Прикажешь отправиться с таким добром в дикие места? Верно, скорой смерти моей желаешь? - глянул на него Дарко, считая, что брат просто насмехается над ним, но тот был крайне серьёзен, ни доли насмешки в глазах.

Дарко прокашлялся.

- В таком случае, со мной едет Полад, - объявил он, хотя он поехал бы в любом случае.

Отец даже вытянулся, пальцы в перстнях его вздрогнули, но Дарко не позволил ему возразить.

- Он опытный воин, и ему я доверяю, - продолжил княжич, повернувшись к отцу, глядя прямо ему в глаза, выказывая твёрдую решимость.

Уже давно вырос и сам может решать, как ему поступать. От него не ускользнуло, как по лицу Мстислава прошла судорога, вспыхнула и тут же потухла смута, отец совладал со своими чувствами, уступил.

«Пусть устраивает опалу черни. С него довольно», - Дарко с раздражением отвёл от отца глаза, подхватывая увесистый ценный узелок, взвесил в руке - четверть пуда, не меньше. Так и казну недолго расточить, если каждой знахарке столько кунов отсыпать. Впрочем, ему безразлично. Он сильно устал от всего этого. Распахнув налатник, сунул плату подальше

от глаз.

- Если всё сложится, вернусь к новолунью, - буркнул он.

Мирогост, что сидел всё это время в стороне, поднялся и прошёл к Дарко, сжимая дубовую палку в кулаке. И зачем она ему нужна? Старцем Мирогост не был - в расцвете сил, пусть у висков и простреливала прядями седина. Только умудрённые глубокими знаниями синие глаза делали его стариком. Он, сунув руку за длинный, в пол, балахон, достал из-за пазухи что-то, положил связку, оказалось, оберегов, на стол.

Повисла тишина. Мужчины долго смотрели на них, даже Волот на миг ожил, склонился, рассматривая железные и костяные подвески. На некоторых были начертаны руны, на других лунницы - обереги, дающие носительнице немалую женскую силу. Дарко они были все знакомы, ведь именно он забрал их у бабкиной помощницы и привёз сюда. Мирогост попросил их, чтобы выведать что-то о девках.

- Отдай это внукам ведуньи Бреславы, они должны принадлежать им, - пояснил сухо волхв, зная больше неразуз-
нал ничего важного.

Дарко быстро сгрёб со стола подвески, вложил их в глубокий потаённый карман, туда, где лежали куны, что джоже оттягивали кафтан, поднялся. Волот не отступил, и Дарко вблизи мог лучше рассмотреть брата. И не увидел ничего доброго, только черноту глаз и бледное, обросшее тёмной щетиной лицо.

- Спасибо, - сказал вдруг он грудным голосом.

Дарко долго посмотрел на Волота, не ожидая услышать от него какой-то благодарности, но ответить ему слов не выискал. Поклонившись отцу и Мирогосту, пошёл прочь.

Верно, не наладятся отношения меж ними, и как раньше, никогда не будет - это Дарко понимал отчётливо, а причину тому понять не мог.

Сборы в дорогу прошли быстро, уже к обеду готов был отъезжать. Не успел Дарко снарядиться, как прибежал Мерята, доложил о том, что Полад ожидает уж во дворе. Княжич спустился на площадку, где уже толпились у ворот гридни, прошёл через ряд белокаменных столбов под деревянными навесами. Вдохнул свежий, пропитанный запахом прогоркшей листвы воздух, и сделалось на душе куда отраднее, да после пасмурного дня небо золотилось разводами лёгких облаков, как грядями белой пены на синей глубине.

Полада он нашёл у конюшен. Друг выглядел весьма неважно, помятый и, верно, злой.

- Ты бы хоть предупредил, что в дорогу нам так скоро предстоит трогаться, я бы так не надрался вчера, - скривился он в вымученной улыбке.

Дарко и запамятовал, что оставил волянянина на пиру, да ещё и просил чернавку досыта накормить и напоить гостя.

- Прости, - сделал попытку оправдаться. - В последнее время сам не понимаю, что творится вокруг, - оглядел он пу-

стующий двор.

Мстислав и Волот не выйдут его провожать, и напрасно ждать их, задержится только. Чем скорее отыщет девок, тем быстрее вернётся, может, до первого снега успеет.

Полад плотнее укутался в кунью накидку, взявшись по привычке за рукоять меча.

- Как же звать-то невесту? - не сдержал любопытства во-лынянин.

Дарко бросил короткий взгляд на друга.

- Не знаю, - ответил честно, оставив друга в некоторой оторопи, и шагнул в сторону ворот. - Пойдём, по пути всё расскажу, - хлопнул он спутника по плечу.

ГЛАВА 3. Нежданная встреча

ГЛАВА 3. Нежданная встреча

Росья шла к деревне не спеша, ступая осторожно, чтобы не оскользнуться, заткнув за пояс путающийся в ногах, мокрый от обильной росы подол шерстяного платья. В другой руке она крепко держала тяжёлую корзину, полную лесных грибов. Скользя по размытой дождём тропке, которая превращалась в плотину, она хваталась за буро-красные, напитанные влагой стволы близко росших сосен, избегая падения в грязь.

Из-за сырости запахи леса обострились, густо веяло в промозглом воздухе еловой живицей да свежей хвоей, что пробивало до нутра. Птицам кормиться непогода, зато воронья в лесу нынче было тьма, так и слышно кругом грубое карканье. Но Росья оставалась к ним глухая, всё думала о случившемся за последнюю четверть седмицы и сокрушалась. После ухода сестры навалились тяготы хозяйства. Как она и думала, отец распустил половину помощников, оставив только Руяну. Распродал часть скота. Благо хоть из терема стал позволять выходить - голодать никому не хотелось в зиму, а этого теперь уж было не избежать. Росья за вчерашний день натащила полные короба грибов и лесных ягод для сушки,

обобрала и яблони в саду - и всё, что с охоткой можно съесть холодной зимой, не пренебрегая ничем. Матушка тоже работала не покладая рук: ткала и пряла, не прикладывая головы к подушке.

Скверные толки о том, что дочка старосты ушла с Верладом, наложили глубокий отпечаток на Доброгу, слухи больше изматывали его, нежели хлопоты хозяйские. Урон отцову влиянию и власти среди селян был глубокий - старостой его уж более никто не называл, не обращался, не звал на общие сборы, и терем их обходили поодаль. И уже совсем скоро поставили другого, да и не потребовалось народу долго выбирать, указали на поруганного и оскорблённого мельника.

Росья остановилась у опушки леса. Утренний зеленоватый-серый туман платом накрыл Елицы, и с лесистого холма под скользящими хмурыми тучами было хорошо видно только верхушки кровлей да островерхие, как наконечники стрел, ели, совсем густо собирались они в кустистых лядинах[1]. Ещё вчера с вечера на деревню напозли глыбы холодных туч, обрушив затяжной ливень. Выспаться так и не удалось толком - грохотали дождевые капли о кровлю, да и ночевать в светлице одной Росье непривычно было, печально делалось. Так прошли две ночи после ухода Станиславы. Приходилось даже с головой укрываться, благо хоть кошка вернулась, и Росья брала её с собой под одеяло. Мурлыканье её размеренное утешало. До последнего девица хранила надежду, что сестрица одумается и вернётся, что вновь отру-

гает за порченные наряды и пожалуется на то матушке, но день шёл за днём, и надежда эта таяла, как снег по весне. Станислава так и не вернулась, а попытки отца настигнуть беглецов закончились неудачей.

Росья и не думала, что станет так тосковать по ворчливой сестре, даже не хватало её брани. И свыкнуться с тем, что не увидит больше ту, не узнает, как живёт она, было непосильным.

С тягостными думами, Росья старалась пройти незамеченной никем, спустилась с глиняного холма и, теперь уже торопясь, пошла знакомой стёжкой, спускаясь в низину к околице, где как черенок, выступал отчий терем.

Хоть и раннее утро, а впереди из-за плетня вышли две женщины, укутанные в платки и лисьи накидки, в руках их кувшины, верно с утренним удоем. Сердце заклокотало, и руки проняла невольная дрожь. Росья сперва было опустила взгляд, но одёрнув себя, подняла-таки подбородок, хоть это и стоило ей усилий. Успела она наслушаться за спиной злых шёпотов о том, что сестры блудницы беспутные, и что Бреслава недаром покинула дом старосты, ушла. У Росьи и без того подруг не было, а ныне и подавно сторонились, будто на ней метка какая, клеймо.

Как ни старалась Росья делаться равнодушной к сплетням да прохладе подружек, а слова пронизывали сердце, что иглами. Она-то перед ними ни в чём не виновата, и верно позор ещё долго будет лежать на ней и родичах. Вот и батюшка

обронил вчера за трапезой, что жениха для младшей искать в другой деревне станет.

Женщины, поравнявшись, прострелили Росью недобрыми тёмными глазами, скребнули девицу осуждением. И когда та минула их, то опустила глаза и шла теперь, смотря себе под ноги. Глаза всё же затуманились. Так же быстро она прошла через яблоневый сад, отперев затворку, скользнула в калитку и только ступила на порог, как снова влил дождь, успев зацепить Росью. Ледяные капли попали за ворот и на руки. Девица оставила в сенцах на лавке корзину, встряхивая занемевшей рукою, разгоняя кровь, скинула с плеч влажную накидку, повесила ближе к печи, что кочегарилась нынче с самого утра. Прислонив ладони к нагретым камням, Росья постояла немного, грея руки, вдыхая тёплый воздух. Так никого и не дождавшись (Руяна, верно, на задворках хлопочет, а матушка за полотном), она расправила подол юбки, спеша переодеться в сухое, прошла по длинному переходу, ведущему к лестнице. Взойдя в светёлку, Росья тоскливо окинула пустующее помещение. Рыжая спрыгнула с лавки и бросилась к ногам хозяйки, громко мурлыча и трясь о подол платья. Росья склонилась.

- Только ты мне одна и рада, - сказала, заглядывая в прищур янтарных глаз.

Мордочка ткнулась в щёку хозяйки, и сердце её зашлось от тоски, верно так пусто у неё никогда не было на душе. Пустив кошку на пол, прошла к сундукам, теперь у неё было

целых два. Подумав немного, Росья открыла сестрицын. С того дня, как ушла она, младшая даже не заглядывала сюда, просто сложив вещи и замкнув замок.

Вытащила одно платье, богато вышитое по подолу, рукавам и вороту цветными нитями - это платье матушка ей вышивала. Росья поднесла его к лицу, вдохнула - пахло зверобоем, остался ещё запах Станиславы. Повесив его на крышку, достала следующее, скромнее, но из тёплого толстого полотна, это платье от матушки передалось ей, а той досталось ещё от её матушки Бреславы. Его-то Росья и отложила.

Переложив ещё пару платьев, она добралась до белоснежных купальских рубаш. Их она уж точно не наденет. Если отец сосватает кому летом, то к костру купальскому уже не выйдет она кружить хороводы. Разложив всё по местам, Росья захлопнула крышку. Подобрав отложенное платье, она вернулась к своей лавке. Рыжая запрыгнула на краешек, принялась умываться, так и слышно шуршание. Стянув мокрую одежду, Росья оглядела себя. Никогда она не задумывалась, хороша ли была собой и как могла бы видеться не сестрице и матушке, да Руяне, а мужчине. От подобных мыслей краска залила щёки, и Росья было потянулась за платьем, но передумала. С чего бы ей стыдиться? Привыкла, что Станиславу ставили выше, ей и внимание, и похвала. Росья всегда была в её тени, несколько не задумываясь о том, что могла быть в чём-то и лучше.

Она повернулась и медленно прошла к полукруглому отполированному до блеска медному листу с узорами по краям. Росья в него заглядывала редко, а теперь её потянуло к нему, как к прохладному омуту. Сжимая в руках влажную косу, она предстала перед зеркалом и опустила руки, оглядела отражение. Кожа её была белая, плечи не так округлы и покаты, как у сестрицы, и руки тоньше, грудь вовсе не пышна, живот плоский, как гладь озера, а не мягкий, как у Станиславы. Росья задышала часто и глубоко, вглядываясь в черты своего бледного лица, только губы горели багряным цветом, будто клюквы объелась, и казались слишком распухлыми.

Сестрица всё одно краше будет, и всё по справедливости её только и любить, а Росье трудиться. Рядом со Станиславой все парни Елицы собирались, а про Росью всегда забывали, но странное дело, до сего мига она не омрачалась этим, ей даже то и на руку было, а теперь вот обида взяла. С чего вдруг?

Росья отошла от зеркала, погладила кошку, успокаиваясь, и вдруг поняла, что хотела бы оказаться на месте сестры. Всегда хотела, просто не понимала. Эта мысль привела в оцепенение.

«Не правильно всё это!»

Она подхватила с лавки исподнее, натянула на себя, следом платье, торопливо сунув голову в ворот, одёрнула подол, подпоясавшись тонким кожаным ремешком. Не успела она переплести косу, как услышала за дверью шаги, тихие,

неспешные, так только матушка ходит. И впрямь на пороге появилась Вельмира. Матушка улыбнулась ласково и прошла вглубь.

- Вернулась уже?

- Что случилось? - просила Росья, припоминая, что Вельмира редко когда заходила к дочерям.

Мать тяжело вздохнула, обведя горемычным взглядом светёлку.

- Шерсть закончилась, а к Белояре идти не хочу. Раньше-то всё Станиславу посылала...

А ведь и верно, раньше матушка у неё брала кудели, но после того, как сбежала сестра, Белояра нос стала воротить да фыркать.

- И что же делать? Где брать теперь?

- В Калышане, - ответила тут же Вельмира. - Там знаю много прях.

Росья в уме представила, что путь неблизкий, но деваться некуда.

- Я бы Руяну отправила, но много ли она смыслит. Может с тобой её послать? Всё веселее.

- Не нужно, - отказалась Росья. - В доме хлопот полно: печи топить, пироги печь. А ты... приляг, отдохни...

Вельмира только благодарно на неё взглянула, и лишь теперь Росья рассмотрела, как устала мать: залегли морщины в уголках глаз и веки потяжелели, а губы вытянулись в упрямую линию, и видно держала она себя от отчаяния, прикла-

дывая все свои внутренние силы.

- Ничего, мы справимся, - обронила невольно Росья утешительные слова, хоть этого раньше она никогда не делала.

За всё Станислава держала ответ, теперь Росья поняла это отчётливо.

Мать только кивнула, уронив взгляд, посмотрев в сторону, туда, где пригелась кошка, улыбнулась легонько. А потом взяла руку дочери и вложила в неё кошель.

- Поспеш, чтобы дотемна успеть, - сказала матушка, высвобождая руки, и Росья спрятала кошель за ворот платья.

- Доброгу я уже упредила, что тебя посылаю. Ступай, пусть боги хранят тебя.

Росья, повинаясь какому-то внутреннему порыву, подалась к матушке и коснулась губами мягкой щеки Вельмиры, отстранилась, быстро вышла из светёлки, думая о том, что матушка отдала последнюю ценность, что накопила она за год.

В сениях уже хлопотала Руяна, рассыпая на расстеленные полотна собранные Росьей грибы.

- Далече? Дождь какой льёт, - спросила чернавка, кода Росья накинула на плечи кожух и покрыла голову накидкой, подвязывая её очельем, чтобы та не сбилась - идти придётся быстро.

- Недалеко. Скоро вернусь, - ответила Росья и выпорхнула в двери, избегая излишних расспросов чернавки.

Небо затянулась тучами ещё пуще, и на улице так потем-

нело, что казалось, не день на дворе, а глубокий вечер. Дождь и в самом деле припустился сильнее, чертя в воздухе серебристые стрелы. Благо народ разогнал по избам, и Росья свободно вышла за околицу, поднимаясь по тому же холму, скользкому и залитому водой. Впору палку брать для опоры. Так и брела, придерживаясь лесной тропки, медленно, но верно приближаясь к Калышане. Деревенька та была у речки узкой в десять изб. С женщинами этого селения Вельмира вела дружбу, обмениваясь с теми сотканными полотнами да шерстью, и договориться с ними было проще, нежели с соседями, вот только больно далеко те жили. Стало куда веселее, когда дождь стих, хоть по-прежнему хмурило над головой. Голый лес окутало сонное марево. Тропкой редко кто ходил, но боязно всё же было, лысо кругом, прятаться некуда, это не летом, когда листва бушует, и любой куст становится надёжным схроном. В ответ этой мысли Росья невольно подняла глаза, чтобы осмотреться, да так и приросла к месту.

Навстречу ей смутными силуэтами двигались люди, да не деревенские, и не телегой, а всадники, пять человек. Сердце ударилось о рёбра и бешено заколотилось.

Росья заозиралась. Бежать было некуда, да и мужчины заметили одинокую путницу, устремляя на неё взоры, и голоса их стали докатываться до ушей девицы, вызывая волнение и страх. Росья не вольна собой сошла с тропки, всё выискивая взглядом подходящий лаз, куда можно было бежать, но не успела она оглянуться, как путники поравнялись

с ней. И только тут поняла, что не просты те были. Тати не ездят с богатой упряжью, а тут и подвески кованные, и лошади ухоженные бурнастой да каурой масти, в Елицах ни у какого хозяина такой породы не сыщешь. Бывало, купцы заезжали, вот они имели мерингов, что на загляденье. Поуспокоилась.

- Здравствуй, добрая путница, - поздоровался кто-то из них.

Росья медленно и несмело подняла взгляд на заговорившего с ней, оглядывая высокие кожаные сапоги, подвязанный длинным поясом кафтан из дорогой ткани, полы которого до щиколоток доходили. Заглянула в лицо, дыхание её затаилось. Лицо мужчины было светло и доброжелательно, хоть твёрдо и мужественно показалось ей на первый взгляд, но больше всего Росью подивило, какие тёплые глаза у того были, никакого зла в них не схоронишь, никакого безбожного умысла. Он переглянулся с другим мужчиной, уж сильно отличавшимся от остальных: волосы, как и брови, светлы, недлинной была борода. Но больше всего заворожили глубокие синие глаза. Таких она отродясь не видела, они напоминали ей глубину холодного зимнего неба, кожа тоже бледна, будто лучи Дажьбоговы касались его меньше всего из присутствующих. Взгляд Росьи забегал от одного мужчины к другому и в сердце росло глубокое смутение, холодело, чего они тут забыли в краях диких?

- Не бойся. Плохого мы ничего не мыслим, - успокоил,

будто прочёл её думы, мужчина с орехового цвета глазами - похоже, он был среди остальных главным. - Ты, верно, из деревни Елицы? Будь добра, подскажи дорогу? - попросил он, чуть улыбаясь краешком губ.

Взгляд Росьи так припал к этой улыбке. Станислава бы разомлела, охотно показала бы дорогу, напросившись с ними в путь.

Росья моргнула и раскрыла губы, чтобы говорить, но поняла, что забыла все слова. Неимоверными усилиями, совладав с собой, она-таки кивнула в сторону родной деревни.

- Эта стёжка и приведёт, - ответила она коротко.

- Спасибо, краса, - прищурились в задумчивости лучистые глаза. - Меня Дарко зовут, как же твоё имя, если не тайна?

Росья так и обмерла.

«Дарко, Дарко», - забилося у неё в голове. - «Вот и гость...»

- Дарко, не пугай девицу, отпусти, - вступился светловолосый мужчина. - Не видишь, побледнела, что мел.

- Прости, - обратился вновь Дарко к Росье, и взгляд его невольно скользнул по ней, отчего той так неловко сотворилось на душе, что в пору сквозь землю бы провалиться.

- Хорошо, - ответил он, будто самому себе, и чуть склонился, глядя с высоты. - Будь осторожна, такой красоте нужен догляд. Уведут, - сказал и, ухватившись крепко за повод, тронул лошадь.

Остальные последовали за ним, поочерёдно впечатывая любопытные взгляды в Росью.

Она и не смотрела на них, наблюдая, как комья грязи отскакивают от копыт лошадей. Всадников быстро скрыл полог деревьев, и только тогда Росья бессильно привалилась спиной и затылком к стволу дерева, чтобы отдышаться. Поход в Калышань теперь не мыслился. Росья отпрянула от сосны и быстрым шагом пошла обратно к Елице.

Росья сначала пошла шагом, а потом сорвалась на бег, глядя, как грозно чернеет над ней небосклон - ещё немного, и распорется утроба, и на несколько саженей уже ничего не будет видно, а морозящий дождь обратится в ливень. Стоило поторопиться. А ведь уже за это время была бы в Калышани - рукой подать, там бы могла у кого из прях переждать стихию. Видно, не суждено ей ныне туда попасть.

И в самом деле, через пару вёрст настиг ливень, да такой, что не убережёт и толстый кожух. Подобрал мокрый подол ставшего и без того неподъёмным платья, Росья перешла на быстрый шаг. Холодные капли били по лицу ледяными струями, туман застилал глаза, ледяные ручьи сбегали к шее за шиворот, и не разглядеть что-либо впереди, лишь пузырящиеся лужи под ногами. Идти по стёжке стало невозможно, и Росья свернула с пути на траву, но и там грязь набивалась на подошвы сапог, затрудняя и без того тяжёлые шаги. Несколько раз она поскользнулась и чудом удерживалась на ногах. Сердце билось, как у испуганной лани, но ненастье не пуга-

ло её, дрожь пронимала от другого. Вновь и вновь припоминала она вопросы чужака. На купца не похож - молод ещё, для сына какого-нибудь зажиточного землевладельца слишком богат. И что понадобилось ему в Елице?

Совсем скоро она промокла насквозь, до исподней рубахи, и ставшая непомерно тяжёлой одежда только мешала идти, давила, прилипал к голове плат.

Добралась до спуска и тут-то задумалась крепко. Верно, боги уберегли - послали другой дорожкой, а она, неразумная, возвратилась. Кто знает, что на уме у чужаков богатых. Но ведь бабка Бреслава не упомянула, чтобы остерегалась она гостя. Или о другом госте толковала? И те, кого она видела и слышала в своих видениях, никак не связаны со словами ведуньи? Да и с того мига, как ей открылось провидение, боги больше не являли ничего. Росья даже намеренно пыталась призвать себя к прорицанию, но ничего не выходило.

Мысли путались, но Росья упрямо шла к селению, будто не она сама, а что-то тянуло её к родному терему. Елица вскоре завиднелась за беспросветной туманной пеленой среди древесных стволов, неизменно проседая в мутном киселе, только выглядывали оконца из глубины. Всадников нигде не было видно, и даже если оставались следы, до дождём в миг всё размывало.

Сама не своя от тягостных дум, что вихрем кружились в голове, Росья чуть не упала, проехавшись с холма к низине, благо успела ухватиться за колышек плетня, едва не шмяк-

нувшись в лужу и не вырвав плетень с корнем, замерла, оглядывая пустынные улицы - нигде не видать всадников, ни в дальней стороне у мельника, ни на единственном постоялом дворе. Уж было отлегло. И тут же встревожилась - неужели мимо проехали?

Росья, больше не раздумывая, бросилась бежать к терему, не заботясь о том, что всё платье её до колен забрызгано грязью.

«Сестрица бы выругала за бабкино платье-то».

И вся она, какмышь, мокрая и дрожащая с задворок влетела в калитку. С главных ворот не решилась, отчего-то предчувствуя, что гости остановились у отца на дворе. И сталкиваться с ними в таком виде уж не желалось ей, хоть должно было быть и всё равно. Росья провела по лицу холодной ладонью, вытирая с ресниц влагу, почуяв, как пальцы пахнут грибным духом, и сама она пахнет вся лесом. Невольно и на свой наряд обратила внимание - уж верно приняли они её за дурнушку, посмеялись, поди, встретив такое пугало в лесу.

Росья разозлилась: - «Да чего это я, в самом деле!»

Она у себя дома, на родной земле и пахнет именно ей, и ничего в том постыдного нет!

На пороге её встретила перепуганная вусмерть чернавка, побледневшая, что поганка. Росья не успела оправиться, в груди так и подскочило сердце, пропустив удар, показалось даже, что терем покачнулся.

- Что стряслось, говори же?! - не выдержала она, вцепившись в плечи чернавки.

- Да ты заходи скорее, чего мокнешь-то под дождём, - запричитала она, утягивая Росью в натопленные сенцы. - Чего ж раскрывшись, захвораеть ведь.

Росья и не заметила, что платок её давно слетел с головы, и косу хоть выжимай, как, впрочем, и всю одежду. Руяна, сокрушённо качая головой, принялась стаскивать с хозяйки неподъёмный кожух, сапоги, полные воды.

- В баньку бы тебе... она уже топится... - тревожно сетовала она. - Ты пока погрейся, я сейчас воды горячей ушат налью, ноги попаришь, отвара сделаю травяного с ягодами, - тараторила она, и Росья отчётливо различила в голосе её сильное волнение. - Идешь тебя носило-то, лебёдка?

По её болтовне Росья поняла, что или ничего и не случилось, или скрывала она что-то. Неужели и впрямь путники не добрались до деревни, свернули в чащу дождь переждать, а она-то, дурёха, пустилась, не помня себя, за ними? Росья омрачилась, подумав о матушке. Вельмира будет недовольна, что дочь не принесла кудели. Не доверится больше. Сделалось совсем скверно, хоть в пору плакать.

- Не нужно в баню, ноги попарю и всё, - отмахнулась она, плюхнувшись на скамью, разматывая мокрые онучи, чувствуя, как тьма внутри сгущается.

«Выходит, всё же ждала гостя, что бабка Бреслава ей на-пророчила?»

- Как же не нужно? - встрепенулась Руяна и склонилась.
- У нас гости, да какие знатные, - шепнула она, и по плечам Росьи так и пошёл морозец. Она резко повернулась к Руяне и медленно поднялась с лавки.

- Гости? А чего молчала?! - шикнула она, сдавливая в гневе голос.

- Дык, - растерялась искренне чернавка, круглое молодое лицо вытянулось, карие глаза сделались испуганными.

Росья укорила себя, что зря набросилась на неё, всё та в первую очередь о хозяйке побеспокоилась.

- Отец велел тебе, как вернёшься, в светлице запереться, сидеть там, пока он не дозволит выйти, - вытянулась чернавка. - А коли потребует выйти, так не в таком же виде, хоть волосы успеть просушить.

Росья долго смотрела на неё глазами, полными непонимания, осознавая всё, что сказала Руяна. Мало-помалу смысл её слов начал прокрадываться, от чего внутри постепенно смерзлось сердце.

- Зачем выйти?

- А за тем, милая, что жаних к тебе приехал, вот. Дождалась ты своего счастья, и какой жаних! Сын князя Мстислава из града Дольна, - сказала она, деловито подбоченившись.

В глазах Росьи совсем потемнело.

«Какой жених? Как?»

Дурно в миг сделалось, ком тошноты подкатил к горлу, с шумом втянула скудный воздух и отвела глаза от чернавки,

запоздало понимая, что дрожит от холода, хоть печь дышала в лицо жаром.

- погоди, - вдруг опомнилась она, припоминая, что в видении своём слышала, как тот мужчина, который стоял спиной, сказывал что, нашёл их. Стало быть, за старшей сестрой приехал, поняла Росья, но чернавке сказала другое: - Не позовёт меня батюшка. За Станиславой они приехали, а мне, - Росья стрельнула на неё горячим взглядом, - забыла сколько зим? Чего мелешь попусту?

- Так и што? - округлила глаза Руяна по-простецки. - Так наоборот, чем не невеста? Ценнее от того во много раз Станиславы.

Росья фыркнула. Руяна всегда недолюбливала сестру старшую, та тоже всё пыталась чернавку поддеть да поторопить, ругалась за её нерасторопность и глупость несусветную. Руяна хоть и была немного старше Станиславы, но терпеливо сносила её упрёки да недовольства, хотя у неё и выбора-то не было. Росья считала девку вовсе не глупой, напротив хлопотливой, заботливой. Пусть и не грамотна, но дело своё верно исправляет, да и душевного тепла в ней намного больше, чем у сестрицы. Росья припомнила, как назвала Станислава её сухарём - вот уж сболтнула, не подумав, а ей осталось в памяти обида.

«Право, чего она разволновалась, отец ни в жизни её не отдаст раньше срока. Или отдаст?»

Росья посмотрела на дверь в сторону горницы. Послушать

бы, о чём толкуют. Чернавка будто мысли её прочла, тоже глянула в ту же сторону.

Росточком она была невелика, потому Росья поглядела поверх её головы, пытаясь высмотреть в дверях отца.

- Где они? - поежилась Росья.

- В горнице, - кивнула Руяна. - Как они к воротам-то давеча подъехали, Вельмира велела стол собрать, приказав всё выставить, ничего не жалея. А соседи глаза та вытаращили, когда такая рать к нам подъехала. Теперь зависть задушит, покоя не даст, чего это гости к старосте-то приехали.

Да, теперь толков много будет в деревеньке. А ведь и хорошо, что приехали, теперь-то всё, может, и сладится. Как бабка Бреслава сказывала: «Бедствовать не будете». Всё сходится, но если Руяна ничего не напутала, и приехали они за невестой, то стоило затревожиться. Однако внутри уверенность возрастала, что батюшка не отдаст Росью. Но почему бы не отдать, это же не сын мельника - княжич. Снова Росью начало трясти, и сама не понимала, от чего - чувства смешались.

Росья втянула в себя горячий воздух, шагнула было в клеть, но Руяна за рукав её поймала, преградила дорогу, не пустила.

- Куды!? - шикнула она.

- Я только посмотрю.

- Сказано же, не велел батюшка, - упёрлась чернавка. - Неча тебе там делать.

Отвязаться от Руяны было не так-то просто, но в самом деле Росья и не собиралась выходить к ним в таком виде.

- А матушка где?

- С ними она.

- Я только послушаю, о чём толкуют.

Руяна замялось было, но сдалась, любопытство взяло вверх.

Росья, оставаясь босой, в таком же сыром и запачканном платье, тихо прошла по недлинному переходу, ведущему к горнице, остановилась у приоткрытой двери, откуда сочился свет и звучал грубый голос отца. Глянула на чернавку - та, казалось, перестала дышать, прильнула к притолоке. Сначала Росья пыталась высмотреть что-либо, но увидела только край стола. Матушка, верно, очень постаралась, не смотря на наступившее тяжёлое время, не поскупилась, выстелила перед гостями и скатерть вышитую. На стол поставила резную посуду да богатое, что ещё оставалось у них в запасе, съестное, да питьё пряное в скуделях да ендовах. Ещё Росья увидела чей-то локоть на столе да краешек плеча, но не поняла, кто из мужчин сидел спиной к ней. Отбросив попытки что-либо рассмотреть, затаилась, вся обратилась в слух, улавливая приглушённые переговоры мужчин.

Руяна, что пристроилась рядышком, тоже прильнула ухом, расширив до невозможности глаза, и уж очень смешливой выглядела она.

- Может, не надо? Грешно, - прошептала.

Росья шикнула, прижав палец к губам, и забылась, услышав другой голос - спокойный и глубокий. Голос Дарко.

- Бреслава - матушка жены моей, - голос отца был напряжённым. - У нас она жила, так почитай уже осьмую зиму в чужих землях скитается, если не померла ещё, - отозвался Доброга не лестно, видно, до сих пор обиду держал, что покинула Бреслава дом.

- Почему тебе, княжич, понадобились мои дочери? Разве в княжестве твоём красавиц мало?

Росья притаилась, замерло дыхание, и пальцы задеревенели.

- Девицы верно не просты по крови своей. Не стану скрывать, потому и дороги. Ныне невест ведающих мало, а нам с братом жёны нужны не ради богатства, но мудрости.

Отец к удивлению Росьи довольно кашлянул, понравился ему ответ Дарко.

- Опоздал ты, - вдруг промолвил Доброга. - Старшая... с мужем уже со своим в другую деревню ушла, только почитай как четвёртый день, а Росья... Росья младшая мала ещё на выданье.

Повисла тишина, и так давила она Росье на уши, что в глазах потемнело, и жарко вмиг сделалось, даже ладони закололо.

- Ну, так и нам некуда спешить, - подал голос Дарко. - Пусть зимует у нас в каменных теремах, а к осени и венчаться можно.

Отец ещё больше посуровел, верно, не доверился словам княжича.

- Вот приезжай вновь к осенним дедам, - не уступил отец и не иначе из своей на то выгоды.

- Не могу я, путь не близкий, в поход мы с братом собираемся в воыньские земли, а дочка твоя пусть поживёт у нас, попривыкнет. Ей-то сподручнее так, нежели сразу, не зная ничего, в чужой дом да под венец. Выкуп за невесту сразу могу отдать.

Снова повисло тягостное и неумолимо долгое молчание. Росья заглянула в щель. Вдруг тот, что сидел спиной, отложил ложку, полез за кафтан, выуживая оттуда что-то, положил на стол, - оказался узел, брякнули в нём никак куны?

Отец, испытывающий молчанием гостей, не спешил с ответом. И Росья сама страшилась думать о том, чего хотела больше услышать - отказ или согласие.

- Обожди, не так сразу. Подумать мне нужно, - сказал, наконец, Доброга, но в голосе его веяло растерянностью.

Оно и понятно, на такой драгоценный выкуп он бы мог семью кормить до старости лет, что же будет ещё и после венчания? Такое богатство любому голову затуманит. Доброга ещё держался.

- Ты думай, - спокойно ответил Дарко. - Ждут меня заботы, посему надолго не могу задерживаться.

Росья увидела руку отца, она, будто чужая, не его, потянулась за платой, подобрав узелок, взвешивая.

- Вот что. Ты, княжич, сделай милость, погости ночку. А утром приду с ответом. Мне нужно с женой посоветоваться да с дочкой обмолвиться. Завтра... если не соглашусь, увидишь своё добро тут, на этом самом месте. Тогда и не серчай.

- За гостеприимство и великодушие хозяина, - ответил только Дарко, раздался многозвучный стук.

Упрямо и сердито сжала губы Росья, разозлилась. Коли так невест сговаривают, как товар какой-то, ей не по сердцу это, и верно лучше бы она не слышала речей таких. Она оторвала от двери приросшие похолодевшие руки, отпрянула.

- Ну чего там, Росья? Чего слышала?

Часто и глубоко дыша, Росья перевела затуманенный гневом взгляд на чернавку. Не знала, что и ответить, сердце галопом стучало внутри, будто табун лошадей.

«Вот и явился гость», - пронеслось, как раскат грома в голове.

Руяна хмурилась, смотря на помрачневшую Росью, и в чёрных глазах разгоралось далёкими звёздами беспокойство, стекленели, как бусины сделались, не малый страх в них застыл.

- Руяна, отнеси ягодного отвара наверх, - проронила Росья, возвращаясь в натопленные сенцы.

- Всё сделаю, - настиг уже на лестнице озадаченный ответ помощницы, но чернавка так и осталась простаивать в сенцах.

Оказавшись у дубовой двери, Росья, толкнув её, вошла в

светлицу. Рыжая всё дремала на лавке, пряча нос - к холоду, зная. Тихо пройдя к сундуку, откинула крышку и вытянула сорочку - не даром она ей попалась сегодня. Скинув мокрую одежду и свернув, положила ее в плетёнку. Потом неспешно переоделась в чистое, расплела косу, встряхнув потяжелевшими влажными волосами, рассыпая их по спине.

Не припозднилась и Руяна, принеся отвар. Вкусный аромат ягод вмиг заполнил светлицу, Росья приняла питьё, поданное заботливо девкой, стараясь унять прошибившую дрожь. Лицо обволокло пар. Прикрыв ресницы, сделала осторожный глоток, и мгновенно получше стало. Вдыхая глубоко запах лесных плодов и грея руки о черепяную плоску, она подняла взор на замолкнувшую чернавку.

- Если отец позволит, поедешь со мной? - вопрос вырвался просто и как бы невзначай, но душа зашлась от одной мысли, что Доброга согласится отдать дочь, и волей-неволей, придётся покинуть Елицы. А Руяну здесь ничего не держало. Родственники немногие её живут далеко за рекой, и за пазухой у неё деток нет. А в огромных палатах будет где развернуться, хотя такая жизнь суетная, где народу больше, чем тли на дереве, что порой и на улице не разойтись, тяжела будет деревенской простушке. Однако чернавка вдруг просияла, и залегла во взоре искра любопытства.

- А что бы не поехать? - восторгалась она, ожив. - Велишь кошь, так вещи соберу, а как же.

«Вот кому радость...»

- Останься со мной, - попросила лишь Росья и, отставив плошку, устало откинулась на постель, смежив веки.

- Разберу пока вещи Станиславы, - только и услышала она. Под покоившуюся ладонь подлезла кошка, приластилась. Росья погладила её по мягкой шёрстке. А тяжёлые думы уносили далеко. Чернавка всё же несколько раз выходила, благодарно не стала лишней раз тревожить притихшую хозяйку болтовнёй, хотя Росья ощущала, что той так и не терпится рассказать новости о происходящем внизу. Потом Руяна вновь вышла, но на этот раз надолго, видно готовила к ночлегу места для гостей. И как бы ни пыталась Росья поверить, а всё не могла, что под одной кровлей будет с знатными гостями, да какими - с самим Дарко Мстиславовичем и его людьми. Выходит, тот, кого она видела в своём видении, был старший сын князя. Росья пыталась припомнить его черты, каким узрела его в видении, но не выходило, только остался в памяти пронзительный взгляд карих глаз, в глубине которых сверкал иней. А взгляд Дарко окутывал. В его глаза хотелось смотреть неотрывно. Росья смутилась от собственных дум, вспыхнуло лицо жаром. Она заворочалась, но княжич никак выходил из головы, и его грудной тягучий голос непрерывно звучал далёкими отголосками где-то на краю дремлющего сознания.

Очнулась Росья тогда, когда ливень прекратил колотить по запертым ставням, и поняла, что день уж закончился - смеркалось быстро. Руяна запалила светцы, принесла ушат

разбавленного в кипятке травяного настоя, заставив подняться хозяйку. Не умолкая, рассказывала о гостях да богатстве их и о том, как повезло Росье.

Росья же, чувствуя непомерную, сама не ведая от чего, тяжесть на плечах, опустила ступни в горячую водицу. Всё пыталась унять клокотавший страх внутри, трепетала, что осенний лист. Неведенье страшило. И уж скорей бы отец принёс утешение. Руяна, видя беспокойство хозяйки, взялась расчёсывать волосы, напевая тонким голосом заговор на крепкий сон.

Доброга возник на пороге, когда Росья уж укладывалась в постель. Отец был задумчивый и угрюмый. Чернавка, быстро управившись со своими обязанностями, торопливо поклонилась хозяину и выскользнула из светёлки.

Повисло тягостное безмолвие. Росье сделалось неловко от его внимания и от всего того, что обвалилось на неё так неожиданно и не ко времени. Он качнулся, как дуб от ветра, и пройдя к скамье, опустился, уперев один кулак в колено.

- Слышала, поди, всё? - задал отец вопрос густым басом, взглянув на неё из-под насупленных бровей.

Росья кивнула, виновато отведя глаза, но отец не был зол на неё, что ослушалась и не заперлась у себя сразу.

- И что помолвишь?

Росья выдохнула. Что тут сказать, разве её слово что-то изменит? Отец уже принял решение, взяв выкуп. И чтобы облегчить и развеять его душевные противоречия, Росья всё

же осмелилась сказать:

- Ныне настало сложное для нас время, и верно, угодно так богине-пряхе... - она смолкла, чуя, как сердце и вовсе перестало стучать - уж не подумает ли отец про неё, что она сама навязывается в невесты к княжичу?

Однако Доброга только невесело хмыкнул, качнув головой.

- Так угодно... - повторил он дочерины слова. - Да...

Он глубоко задумался, глаза его сделались туманными.

- Ты не Станислава... - ответил он, ещё больше погружаясь в думы.

А ведь так статься может, что этот разговор окажется последним, но Росья не находила слов сказать что-то утешительное, ласковое, как это выходит у матушки. Искала и не нашла.

- Ты там гляди мне, - ответил он невпопад.

Росья поняла, что Доброга тоже искал речи, кои должны стать последним напутствием, и только и вышло, что вскинул он суровый взгляд, выказывая отцовскую строгость.

- Ладно, - сжал он грубыми мозолистыми пальцами коленку, - значит... высыпайся, а завтра в дорогу собирайся. Если обветрит, - отец поднялся, направляясь к двери, но остановился и обернулся.

- Всё же тебе повезло больше. Станислава... - сглотнул он, - непутёвая девка... - он не договорил, замолк, верно, подбирая слова, но не нашёл подходящих. Тяжко выдохнул и вы-

шел.

Росья, казалось, вечность смотрела на закрытую отцом дверь, осознавая, что с этого мига жизнь её поменялась, но что грядёт вместе с этим, ей пока это не раскрывалось. Все её предчувствия сбылись. Вдруг Росья вспомнила, что Дарко упомянул о бабке, значит, он виделся с Бреславой. И невеста им нужна не простая, да только что ценного было в ней, Росья не могла взять в толк. Не умеет даже предсказывать, когда то требуется. А по хозяйству мать хоть и учила её содержать дом, да всем женским премудростям, но куда ей потянуть целую свиту черни, а её, поди, там тьма. Росье сделалось по-настоящему страшно. Вдруг не справится, опозорится только перед всеми, вот стыдоба будет на её голову. Но ещё вдруг взволновало её, кому из братьев она станет женой? Верно, сперва, должен старший венчаться.

Росья, подобрав ноги с пола, забралась под одеяло, долго прислушивалась к звукам. Но внизу, в горнице, царила тишина, все, наверное, уже разлеглись по местам. И снова сделалось нехорошо внутри. Сцапав к себе кошку, затаилась, неотрывно разглядывая озаряемый светом огня потолок, и пыталась вспомнить о бабке хоть что-то.

«Почему дар провиденья именно мне передался?» - вдруг всколыхнулся вопрос.

Матушка - дочь Бреславы, ей и то не передалось по крови, как и старшей Станиславе, так почему Росью настигло это? Слишком мало она знала о бабке и матушку не выпраши-

вала никогда о ней, не до того ей было. Теперь поздно спохватилась. Ушла ведунья.

[1] Ляда - низкое сырое место, поросшее лесом или кустарником.

ГЛАВА 4. Сговор

ГЛАВА 4. Сговор

Дарко проснулся, почуяв весомую тяжесть от того, что на ноги кто-то забрался. Спросонок чертыхнулся, подумав невольно, что домашний дух балует, оказалась, слава Веле-су - кошка. После долгого пути да попарившись в баньке и сытно отужинав, спал Дарко крепко. Оказавшись в тепле и сухости, едва прикрыл глаза, как провалился в глубокий сон. Мягкая постель и просторная лавка показались ему удобнее собственной опочивальни, хотя после слякоти и сырости ему и сеновал показался бы блажью.

Княжич откинул к поясу влажное покрывало - в клетушке, куда его вместе с побратимом вчера отправили спасти, было так жарко, что не только грудь, но и ладони покрылись липким потом. Задышав размеренно, он ощутил после утомительной дороги долгожданную бодрость в теле и утреннюю, вполне ожидаемую весомую напряженность естества. Отгоняя прочь горячившие кровь помыслы, что начали против воли рождаться перед внутренним взором, Дарко тягостно вздохнул, обращая своё внимание на клеть.

Здесь оказалось по-домашнему уютно, ему понравилось у Доброги. Хозяева приветливые и слыли добрыми людьми,

что редкость - вольные весьма враждебно встречают пришлых, особенно посланцев больших городищ.

Окинув сонным взглядом стены, Дарко отметил, что терем, добротнo сложенный из цельных брёвен, долго сохранял тепло в хороминах даже зимой. Взгляд остановился на притолоке, украшенной диковинной резьбой. Староста Доброга хоть и имел богатый сосновый терем, да только видно, что настали для него тяжёлые времена. На стол накрывала не чернь, сама хозяйка, да и яством не шибко подчевала: ни лещей, ни запечённой щуки, а из питья - квас да сбитень. На постоялом дворе и то стол богаче был, а сомнений не вызывало, что Доброга согласится отдать младшую дочку. Потуги найти пусть и одну внучку бабки Бреславы увенчались успехом. Успел. Приподнятый дух не омрачало и то, что вновь предстоит обратный путь к Дольне под проливным дождём.

Хорошее здесь было место. Тишина, лес дремучий, всё пролески да лошины, разрываемые озерцами и реками. Деревеньки встречались редко, да и те с малой горсткой народа, а то вовсе заброшенные. Видно, уходили племена всё глубже в лес. Дарко и не знал, что на сотню вёрст к северу от Дольны такая глухота дремучая. Здесь всё было диким, даже избы венчались резными коньками в виде странных животных, то и вовсе настоящими черепами волон и лошадей. А народ каков? Да взять хотя бы ту девчушку, что попалась им по пути окрест Елицы, когда бескрайний лес оборвался и появился просвет. И откуда она взялась? Не побоялась пут-

ников, ведь как смело смотрела, и в одиночку, без охраны надёжной, ходить в кущи да в непогоду не страшно ей. Дарко припомнил большие зелёно-серые, как лесные дебри, глаза юницы на влажном от мороси бледном лице - заглянешь в них и одуреешь. Хороша. И всё же странным казалось, что путница и в самом деле живой человек. Может, морок, навеянный Берегиней, или сама благодетельница и есть?

Дарко встряхнул головой, и потёр ладонью глаза, сглотнул, понимая, что дико хочет пить.

За не такое уж и долгое время пути многое успело приключиться: то медведь выходил на тропу, здоровый, пышущий лесной силой, с мокрой от мороси шерстью и листвой в ней (пришлось рогатины доставать, что бы отпугнуть увальня), то лось с рогами пудовыми. Звери дикие будто преграждали путь всадникам, появляясь не пойми откуда. Но благо, беда обошла, и сам Хозяин не попыталась их остановить и запутать.

Послышался храп у противоположной стены. Полад очнулся на миг, продирая глаза, но вновь отвернулся к стенке. Что ж, было только раннее утро, и можно было подремать ещё, но Дарко вконец проснулся, сел, слушая раскатистое мурлыканье. Не терпелось проверить горницу и убедиться в том, что староста не вернул зарок.

Опустив ноги и ощущая ступнями такой же тёплый пол, он протянул руку и погладил рыжую кошку.

- Чья будешь? Как там звать твою хозяйку? Росья?

Дарко ухмыльнулся и поднялся, подбирая со скамьи рубашку. В тишине оделся и, бросив взгляд на Полада, который и не собирался просыпаться, подпоясавшись, вышел из клетки. Горница пустовала, залитая утренним холодным светом, что проникал в хоромину через бычьи пузыри небольших окон. Стол, как он и думал, пустовал, только ждал своего часа печёный хлеб, накрытый вышитым рушником, да кринки с молоком и квасом в резных берёзовых чарках, любовно выставленных для гостей. Дарко даже прошёлся, чтобы окончательно убедиться, что зрение его не подводит - нигде не было узелка с зарокотом.

«Попалась краса», - довольно хмыкнул он и направился к выходу.

В сенцах хлопотала над печью молоденькая чернавка, помешивая в чугуне, судя по запаху, ячменную кашу. Завидев Дарко, она было застопорилась, кругленькое лицо вытянулась, растерянность вместе с робостью скользнули в тёмных глазах, но быстро очнувшись, поздоровалась. Княжич не стал смущать своим присутствием её и спешно вышел на крыльцо.

Утро встретило его хмурившимся небом, в котором ворочались немереной тяжести тучи, но дождя не было. Небольшой двор уже заметно подсох за ночь, к обеду так и вовсе тепло разгуляется. Ныне везло неслыханно. Дарко под пение петуха и лаянье где-то за околицей пса прошёл к вы-

ставленной наружу бадье. Закатав рубаху до локтей, опустил руки в дождевую воду, сложив ладони лодочкой, зачерпнул, плеснул в лицо. Прохладная водица враз ободрила. Стало совсем хорошо, хоть в пору прямо сейчас в дорогу снаряжаться. Сдёрнув полотно с гвоздя, отёрся. Скрипнула дверь, и на порог выскользнула чернавка, всё так же смущённая, в руках ведро. Девица, пряча глаза, чуть ли не бегом припустилась со двора, в мгновении ока скрылась за калиткой, только и мелькнул подол юбки. Дарко встряхнулся. Вот ведь неурядица! На прислужниц стал засматриваться!

Княжич прошёл к порогу и в два шага поднялся на крыльцо, нырнул в сени, да неудачно - ткнулось в него что-то мягкое, с темноты не понял толком ничего, но ладони нащупали девичьи плечи. Едва он разобрал, что к чему, как девка шахрахнулась от него, словно от лешего. Дарко несколько мгновений смотрел в яркие глаза неотрывно и не верил.

- А ты откуда взялась? - только и обронил.

Несомненно, это была она - девчонка из леса, её черты он запомнил хорошо. Дарко скользнул взглядом по девичьему стану с ног до головы. Одета нарядно, в расшитое явно слишком просторное для неё платье, подвязанное нитяным поясом на узкой талии. Шея длинная белая, овальное лицо с хрупкими чертами. Губы карминные, едва не вишнёвые, немного пухлые, чуть раскрылись в немой растерянности. Тонкий и правильный, словно выточенный из кости, носик с узкими крыльями придавал юной девице немало твёрдости

во всём её облике. А тёмные брови вразлёт подчёркивали большие зелёные глаза, которое в полумраке казались до холодной дрожи глубокими, что бездонные омуты, и смотрели с испугом да затаённостью. Дарко даже оцепенел на миг от их пронизательности.

Девушка, опомнившись, развернулась и шагнула было в сторону лестницы. В два шага Дарко оказался рядом с ней, преградил путь, нависая.

- Говори, как оказалась здесь? - потребовал он, сам не понимая, что на него нашло. Просто не увязывалось в голове, ведь вчера вечером не видел кроме круглолицей никакой более чернавки.

Она вздёрнула маленький подбородок и гордо, с какой-то ледяной твёрдостью глянула ему в глаза.

- Пусти, а то батюшку поз... - осеклась.

И тут-то всё встало на свои места.

Губы Дарко сами собой растянулись в ухмылке, он отступил, воздавая в очередной раз хвалу богам за чудный день. И только молча пронаблюдал, как девчонка, смутившись совсем, подобрала подол длинного в пол платья, пустилась вверх по лестнице, только и мелькнула в глубине терема длинная косища.

Однако радость была не долгой. Едва Дарко подумал о Волоте, лёд сковал душу. Постояв ещё мгновение, он услышал шаги на пороге - возвращалась чернавка. Княжич поспешил вернуться в клеть.

- Чего ты спозаранок блудишь? - буркнул Полад, сонно натягивая на себя исподнюю рубаху, едва Дарко появился на пороге.

Побратим встал, пройдя к бадье, зачерпнул чаркой воды, надолго присосался.

- Рассол у хозяина что надо, - прокряхтел он, - я себя за-солённым окунем чувствую.

Он бросил ковш на место, обернулся:

- Чего молчишь? Хмурый такой. Неужели вернул зарок Доброга?

Дарко глянул на него исподлобья.

- Уж лучше бы вернул.

- Вот как? - хмыкнул волянянин, запуская пятерню длинных пальцев в светлые с золотым отливом, как у всего этого народа, волосы. - И скажи на милость, как тебя понимать?

Он провёл по лицу ладонью, смахивая остатки сна.

Княжич откинулся спиной к стенке, устремляя пустой взгляд в потолок. Думы о брате затягивали всё пуще, но больше всего его беспокоило, что он сам причастен к этому обману. Новая невеста слишком молода оказалась и, верно, слишком доверчива. Волот может поступать неосторожно. Да и вся эта тёмная история с Градой, первой женой Волота, до сих пор не давала покоя, терзала душу. И княжича ни на миг не покидало подозрение, что брат что-то скрыл от него. В который раз проклял себя, что помогает ему, вновь идёт у него на поводу. Мерзкое чувство ничтожности оглушило.

Оставалось надеяться, что это в последний раз.

Время до обеда пронеслось быстро. Доброга вновь позвал за стол. Хозяева, как и вчера, были доброжелательны и радушны. Чернавка вынесла состряпанную ещё утром ячменную кашу, напечённых блинов с пахучим мёдом, нарезала ломти вяленого мяса, выставив и квашеную капусту в глиняных горшках, и мочёные огурцы. Староста всё выпрашивал о князе Мстиславе, о его старшем брате, волновало его отцовское сердце, как будет жить дочка. Получив скомканные ответы, Доброга больше не пытался донимать излишне. А Дарко лишь угрюмо поглядывал на хозяйку Вельмиру, отмечая, что дочка явно пошла в отца, да и с ним не была больно схожа, видно, больше бабкиных корней.

Невеста вышла с позволения Доброги только когда все поднялись из-за стола. Одета она была тепло, по-походному, голова платом покрыта, коса убрана - девица предстала перед ним такой, какой он увидел её в лесу. Девушка, отчаянно и упрямо избегала глядеть на чужаков, особенно на Дарко. Не показывала даже вида, что помнит о случайной их утренней встрече. Полад тоже узнал девку и как-то странно улыбался, пока не столкнулся с хмурым взглядом Дарко. Тогда улыбка его сползла. Ни о чём не подозревающие родители вышли проводить их за ворота. Остальные гридни, что всем скопом ночевали в другой клетке, уже были в сборе и ждали распоряжений. Дарко поднялся в седло, оглядывая толпу людей, что вышли поглазеть на редкостных гостей. Пере-

шептывались, кивали в сторону невесты и явно были чем-то озадачены, а некоторые и злы. Впрочем, у простого народа может вызвать зависть то, что не их дочка, а старосты отправляется ныне в белокаменный городище, как желанная и ценная гостья.

Дарко подал знак воинам выдвигаться, чтобы больше не привлекать всеобщего внимания, от которого дочка старосты вся сжалась и ёрзала в седле, не отрывая взгляда от земли - того и гляди, заплачет. Благо с ней увязалась чернавка, всё не так страшно одной. Девка-то не горевала, напротив, разруглянилась, глаза как две плоски, счастливые и сверкающие, очень уж напоминала ту рыжую кошку.

Отряд миновал многолюдную широкую улицу, по одной стороне которой воздымались в небо терма с массивными воротами. Выехав за околицу, Дарко всё не мог никак избавиться от чувства тревожности, до сих пор представлялось, что в его спину вонзаются, как гвозди, чужие взгляды. Видно недавно происходило в Елице что-то неладное, раз народ так возмущённо и пасмурно провожает дочку старосты, видно были раздоры да распри. Впрочем, это не его тяжба. Княжич, посматривая на ехавшую немного в сторонке закутанную в суконную накидку молодую девушку, пытался отогнать накатывающее тягостное смятение, которое и без того рвало душу на части. Она, будто почуяв чужой взор на себе, повернулась, полоснув опечаленным взглядом, и тут же отвер-

нулась, робко опустив ресницы. Видно никак не оправиться от разлуки с родичами. Да и он хорош! Запугал изрядно её, преградив ей дорогу.

Терзаясь угрызением совести, Дарко сжал зубы, старался излишне не рассматривать девчонку, отрешаясь ото всего и сосредотачиваясь на дороге. Его думы и в самом деле в скором времени рассеялись, теряясь в окружающих просторах. В пролеске, через который они двигались, висела дремотно-сонная загустевшая тишина, только глухо переговаривались гридни, шуршала густая янтарного цвета листва под копытами лошадей, изредка доносился хруст в кустах. Пахло грибами и свежестью древесной коры. Под низким низким небом лес пестрил буйно: то вспыхивал костром клён, то сияла белизной берёза с яркой, как яичный желток, кроной. Мать-земля заснула, и всё замерло в преддверии долгой холодной зимы. Хотелось тоже так, как эти самые дубы, пустить корни в недра земли, вытягивая живительные соки, и просто дышать глубже, видеть небо и птиц, слушать тишину. Размеренность пути и покачивание в седле быстро умиротворили путников.

Полад, следовавший смежно с княжичем приободрился и улыбался, как боровой кот, щуря глаза.

- А ведь успеваем к заморозкам, - нарушил он молчание. - Ты как? Готов к походу за Межну на Ставгонь? - припомнил тему, решив разговорить угрюмившегося приятеля.

Дарко ненароком обернулся, выхватывая из числа воинов

девушку. От его внимания не ускользнуло, как она напряглась, плотно сдавив губы, и смотрела в загривок лошади, зная прислушивалась к беседе.

- Как вернёмся, оповещу об этом отца, - вернул взгляд на Полада Дарко.

Больше он ничего не сказал, предаваясь раздумьям о походе. После Навьей седмицы[1] и отбудет. Помянет пращуров и в добрый путь. В случае, если оставит отца и покинет Дольну до заморозков, то вернётся к Громнице[2]. Дарко мучительно-тягостно вздохнул. Ему необходимо уехать, необходимо раздолье. Однако равно, как бы княжич себя не утешал, сейчас, когда невеста отыскалась и он свободен как шторм на море, покидать городище и бросать на волю судьбы девчонку представилось уж не так и лёгким решением. С чего бы?! Столько времени жил на привязи, как цепной пёс, что теперь и бежать только прочь, а страшно. С горечью осознал, как свyksя с такой жизнью. Теперь потребуется много времени, чтобы окрепнуть, встать на ноги. И этот поход - испытание, где он должен найти свой путь. Где не будет рядом ни отцовской поддержки, ни матушкиной заботы. Где он будет полагаться только на себя.

От мыслей его отвлекли шорохи. Дарко поднял голову, хватаясь за рукоять клинка. Замолкнувшие гридни быстро окружили девиц, закрывая собой от чужих глаз.

Из сырых рудовых зарослей, под полог которых отряд давным-давно окунулся, чванно и совершенно не таясь вышли

пятеро юношей, одетые в овечьи кожухи, и, хвала богам, без оружия. Дарко невольно ухмыльнулся, некоторых из них он припомнил сразу. Вот только что же надобно деревенским Елицы? Ответ пришёл мгновенно.

«Неужели девку пришли отбивать?» - фыркнул он, переглядываясь с Поладом. На лице побратима тоже играла едва сдерживаемая насмешка.

Кто-то громко ахнул из девушек, и судя по голосу, это оказалась чернавка. Она сжала руку Росьи и таращилась во все глаза на парней. Та же смотрела на молодых людей с недоумением, делаясь белее берёзовой коры, а после взглянула на княжича, обжигая виноватым и умоляющим взором, от чего его покорило. Она ему-то ничем не обязана. Дарко стиснул повод в пальцах и отвернулся.

Гридням пришлось приостановить лошадей, чтобы не раздавить шайку. Княжич проехал чуток дальше, останавливая лошадь, едва не въехав в нарочито выпяченную грудь рослого детины. Взор того не сулил ничего доброжелательного. С курчавыми русыми волосами, перетянутыми тесьмой, с едва проклюнувшимися усами и бородкой он выглядел весьма нахраписто, выказывая твёрдость своего намерения.

Дарко долго не гадал - по-видимому, изо всех именно он и был обманутый суженый. Другие держались чуть в стороне и были ниже в росте, и, верно, моложе, с хмурыми взглядами, за которыми скрывалась мятежная взволнованность. Оно и

понятно, супротив вооружённых гридней им несдобровать, а потому дюже рисковали. Поэтому решили миром перемолвить. Что ж, Дарко был готов.

- Говори, чего нужно? - начал он первый.

Кудрявый парень засопел, раздувая крупные ноздри, ярился и едва сдерживал себя в руках, однако понимал, что, наломай он дров, княжеская немилость тут же ляжет на его горячую голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.